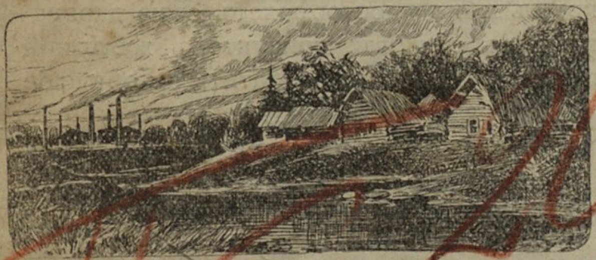
IV 18/41
РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА
1911-1912

16-го января 1911 г. Цѣна отдѣльн. номера 5 к.

№ 1.

НАРОДНАЯ СЕМЬЯ



Двухнедѣльный иллюстрированно-литературный народный журналъ.

Рукописи, по усмотрѣнію редакціи, подлежатъ сокращенію и исправленію. Рукописи менѣе печатнаго листа не возвращаются; болѣе — возвращаются, если на пересылку будутъ высланы марки. Желательны рукописи писателей изъ народа.	**Подписная цѣна съ доставкой:** На годъ. . . . . 1 р. 50 к. На полгода. . . . . 85 к. **Объявленія:** за строку петита впереди текста 50 к. » » » позади » 30 к.	**Контора:** **для подписки и объявленій** открыта кромѣ праздниковъ, ежедневно съ 10 ч. утра до 6 час. вечера. **Редакція** открыта по средамъ и субботамъ отъ 6 до 8 ч. вечера.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Москва, Тверская, Георгіевскій пер., д. № 14, кв. 8. Телефонъ 175-55.

СОДЕРЖАНІЕ: Въ волнахъ (стих.). **С. Ганьшина.**—Ломоносовъ.—Кающійся пьяница (разсказъ). **В. Кульчицкаго.**—Собачій гувернеръ (разсказъ). **Н. Тейковскаго.**—Исторія рабочаго класса за границей. **Ф. Э.**—Грамотность Московской губерніи.—Женскій фабричный трудъ въ Россіи.—Объявленія.

Въ волнахъ.

Разыгралась волна, не видать береговъ,
И во мракѣ маякъ безъ огня...
Море бурное!.. я усталъ, истомился...
Укачай, убаюкай меня!

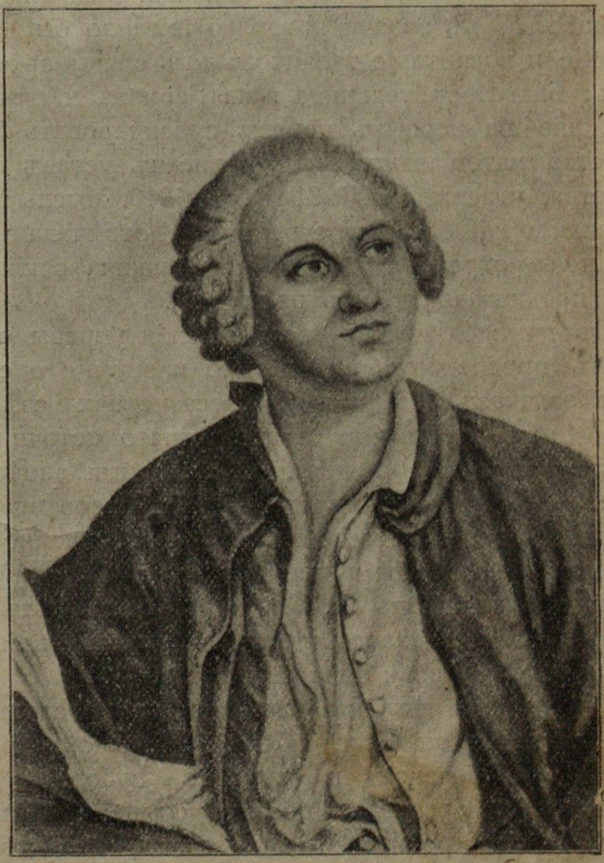
* * *

Лишь челнокъ не разбей до прихода зари,
И съ началомъ грядущаго дня,
Когда солнце взойдетъ, заиграетъ лучемъ,
Разбуди потихоньку меня...

* * *

Отдохнувъ отъ борьбы, съ твердой вѣрою, я
Съ новой силой за весла возьмусь...
И тогда къ берегамъ изъ пучины морской
Я безъ страха въ груди доберусь!

Серг. Ганьшин



М. В. Ломоносовъ. Къ годовщинѣ двухсотлѣтія со дня рожденія. 1711—1911 гг.

М. В. Ломоносовъ.

Съ именемъ Ломоносова невольно соединяется трогательный образъ идущаго добывать знанія некрасовскаго школьника на фонѣ унылаго родного пейзажа,—«небо, ельникъ и песокъ». Погружаясь изъ сферы поэтическаго вымысла въ прозу русской дѣйствительности, придется констатировать печальный фактъ. Бодрая вѣра поэта въ «край, что выводитъ изъ народа столько славныхъ», оправдывается лишь въ слабой степени.

Попытку культурнаго вмѣшательства въ жизнь крестьянства съ цѣлью ослабить вліяніе тормазящихъ условій на проявленіе талантовъ и представляетъ московское Общество въ память Ломоносова съ его задачей открыть путь для даровитыхъ личностей изъ крестьянъ къ среднему и высшему образованію.

Исторія возникновенія Общества такова.

Въ апрѣлѣ 1910 года въ кружкѣ лицъ,—директора реальнаго училища Воскресенскаго Воронца, педагога Бота, д-ра Бернштейна, г-жи Германъ и др.,—обсуждался вопросъ о способѣ чествованія 200-лѣтія со дня рожденія Ломоносова въ 1911 г. Наилучшей формой почитанія памяти Ломоносова признана была организація спеціальнаго Общества, въ задачи котораго входило бы отысканіе и воспитаніе талантовъ изъ среды крестьянъ. Благотворительница г-жа Германъ изъявила желаніе на первыхъ порахъ субсидировать Общество матеріально. Былъ написанъ уставъ Общества, утвержденный 31-го мая 1910. Мысль эта, повидимому, была своевременной, отвѣчала наличной потребности, такъ какъ нашла откликъ въ предложеніяхъ изъ провинціи.

Въ іюнѣ Общество чрезъ земскія управы особымъ проспектомъ оповѣстило населеніе о своихъ задачахъ. Но широкая масса черпала свѣдѣнія преимущественно изъ газетнаго источника, причемъ противорѣчивыя и неточныя замѣтки ввели отчасти въ заблужденіе заинтересованныхъ лицъ. Такъ, Общество въ виду ограниченности средствъ рѣшило принимать въ первое время только мальчиковъ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, а въ печати сообщалось, что кліентами могутъ быть лица безъ различія пола и возраста.

Въ теченіе лѣта на имя Общества поступило изъ Херсонской, Бессарабской, Уфимской, Пермской, Тамбовской и другихъ губерній, съ Кавказа и Крыма въ общемъ свыше 100 прошеній: отъ родителей мальчиковъ, отъ дѣвочекъ и взрослыхъ. Самыя заявленія любопытны по той жаждѣ образованія, которою проникнуты ихъ авторы. Народный учитель съ Кавказа проситъ «благодѣтелей» подъ какими угодно условіями дать ему средства поступить въ коммерческій институтъ; слезно умоляетъ молодой крестьянинъ, соорудившій модель аэроплана системы Блеріо, помочь ему поступить въ политехникумъ, другой крестьянинъ удостовѣряетъ свою даровитость писаніемъ стиховъ; кондукторъ желѣзной дороги проситъ Общество заплатить за обученіе его дочери-гимназистки и т. д.

Отрадно имѣть такое Общество, отрадно имѣть юношей, стремящихся къ наукѣ, но еще отраднѣе имѣть толкъ изъ всего этого.

Біографія Ломоносова.

Біографія Ломоносова чрезвычайно любопытна и поучительна во многихъ отношеніяхъ. Изъ нея видно, во-первыхъ, до какой высокой степени можетъ дойти человѣкъ, если къ природнымъ дарованіямъ прибавится правильное образованіе и выработается твердый характеръ; во-вторыхъ, — какъ русское общество того времени мало еще понимало и уважало своихъ профессоровъ и писателей, и въ-третьихъ—какъ велики были заслуги Ломоносова передъ этимъ самымъ обществомъ.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ былъ сынъ зажиточнаго крестьянина-рыбака, Василія Дороѳеева (деревни Денисовки, Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губ.). Уже въ дѣтствѣ онъ испыталъ много лишеній. Постоянно лицомъ-къ-лицу съ трудностями отцовскаго ремесла, съ морскими непогодами и съ домашними непріятностями. И мачиха, и отецъ, каждый по-своему, безпрестанно выговаривали любознательному мальчику за то, что онъ все съ книгами и мало помогаетъ отцу въ работѣ. Жажда знанія, дѣйствительно, была у мальчика большая, а средства для удовлетворенія ея—самыя ничтожныя: ни учителей, ни книгъ. Съ трудомъ досталъ онъ себѣ грамматику Смотрицкаго, ариѳметику Магницкаго и псалтирь въ стихотворномъ переложеніи Симеона Полоцкаго. Впослѣдствіи Ломоносовъ называлъ эти книги *вратами своей учености*. Были, впрочемъ, нѣкоторыя хорошія стороны въ обстановкѣ его дѣтства. Частыя поѣздки по бурному Бѣлому морю и безпрестанныя опасности закалили его физически, научили его находчивости и воспитали въ немъ мужество. Впечатлѣнія сѣверной природы, хотя суровой, но величественной и своеобразной, запали глубоко ему въ душу и подготовили въ немъ страсть къ естествовѣдѣнію. Жизнь среди

поморянъ—людей смышленныхъ, практическихъ и отважныхъ—выгодно отозвалась и на характерѣ молодого Ломоносова. Энергія 18-ти-лѣтняго поморянина выразилась тѣмъ, что онъ покинулъ ро-

хитрости: надо было назваться сыномъ сельскаго священника; иначе—не приняли бы. Пять лѣтъ, въ крайней бѣдности (одинъ алтынъ въ день жалованья на все: пищу, обувь, одежду и удоволь-

На побывку къ сыну. *(Съ картины В. Маковскаго).*

дину и бѣжалъ (1729 г.) въ Москву—учиться. Цѣлый годъ онъ здѣсь терпѣлъ крайности. Наконецъ (въ январѣ 1731 г.) удалось ему попасть въ число учениковъ Заиконоспасской (Славяно-Греко-Латинской) духовной академіи, и то не безъ

ствія) и при насмѣшкахъ товарищей—20-ти-лѣтній-де болванъ пришелъ учиться латыни—оставался Ломоносовъ въ этой схоластической академіи; конечно, перечиталъ академическій запасъ сборниковъ, лѣтописей и тому подобн., но пол-

наго удовлетворенія не получилъ. Схоластическая школа не могла дат ему тѣхъ именно знаній, какихъ ему хотѣлось, т.-е. математики, естествовѣдѣнія и живыхъ европейскихъ языковъ. Теперь Ломоносову предстояло получить санъ священника и затѣмъ навсегда посвятить себя пастырской дѣятельности. Счастливая случайность помогла Ломоносову выбиться на широкій путь образованія. Петербургская академія, для пополненія своей гимназіи, вызвала изъ Московской академіи 12 лучшихъ воспитанниковъ. Въ числѣ ихъ былъ отправленъ и Ломоносовъ. Онъ уже прошелъ и классъ философіи, оставалось еще пройти высшій и послѣдній классъ духовной академіи, именно классъ богословія. Въ томъ же 1736 г. Петербургская академія послала трехъ студентовъ за-границу для усовершенствованія въ естествовѣдѣніи и металлургіи. Въ числѣ ихъ былъ и Ломоносовъ (другіе два—Райзеръ и Виноградовъ). Еще пять лѣтъ трудовъ за-границей: теоретическія занятія въ Марбургскомъ университетѣ, 1736—1739, подъ руководствомъ знаменитаго философа и естество-испытателя Вольфа, а потомъ два года, практическія занятія горнымъ дѣломъ въ саксонскомъ Фрейбергѣ, подъ руководствомъ Генкеля. Эти годы, несмотря на бѣдное содержаніе (академія отпускала на каждаго студента 300 руб. въ годъ, на содержаніе и ученіе, и то—деньги высылались неисправно, подъ конецъ же совсѣмъ не высылались), несмотря на разительный примѣръ разгульной жизни тогдашнихъ нѣмецкихъ студентовъ, Ломоносовъ употребляетъ чрезвычайно производительно. Вольфъ не нахвалится имъ въ своихъ сообщеніяхъ академіи. Ломоносовъ изучаетъ математику, естествовѣдѣніе, философію, медицину и языки нѣмецкій и французскій. Свои отчеты и научныя сочиненія онъ посылаетъ въ академію сначала на латинскомъ языкѣ, а потомъ на нѣмецкомъ.

Въ 1740 г. Ломоносовъ женился на дочери марбургскаго портного и прибавилъ себѣ еще новыхъ матеріальныхъ затрудненій. Долги росли, кредиторы становились неотступнѣе. Ломоносовъ опять рѣшается бѣжать—въ этотъ разъ, на родину, въ Петербургъ, чтобы тамъ устроиться и тогда уже вызвать къ себѣ семью. Это бѣгство также не обошлось безъ приключеній. Говорятъ, что близъ Дюссельдорфа онъ попалъ къ прусскимъ вербовщикамъ и чуть не остался въ прусской арміи; но, наконецъ, добрался въ Гагу, къ русскому посланнику, Головкину. Головкинъ помогъ ему доѣхать въ Петербургъ.

Такъ затрачено полжизни на подготовку къ службѣ отечеству. Въ академіи Ломоносовъ заслугами завоевалъ себѣ мѣсто—сначала адъюнкта физики (янв. 1742), потомъ профессора химіи и физики (1745). И здѣсь не кончилась борьба матеріальная и нравственная. Ни адъюнктское жалованье (300 руб. въ годъ), ни профессорское (660 руб.) не могли избавить Ломоносова отъ нищеты. Его матеріальное положеніе стало лучше только тогда, когда «Ода на день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы» привлекла къ нему вниманіе Государыни (подарокъ въ 2 000 р.) и покровительство просвѣщенныхъ вельможъ: графовъ Орловыхъ, графа Воронцова, а въ особенности Ив. Ив. Шувалова, впослѣдствіи попечителя Московскаго университета. Что касается нравственной борьбы, то и съ этой стороны Ломоносову было не легко. Большая часть тогдашнихъ академиковъ-иностранцевъ вовсе не такъ смотрѣли на свои обязанности, какъ Ломоносовъ. Они заботились только о своихъ личныхъ выгодахъ, а не о просвѣщеніи Россіи и нисколько не скрывали своего презрѣнія къ русскимъ. Для Ломоносова же наука и польза отечества были самыми дорогими предметами въ жизни. Отсюда—безпрестанныя столкновенія съ товарищами и даже съ начальниками. Отсюда же рядъ непріятностей, отъ которыхъ онъ страдалъ и нравственно, и матеріально. Но и въ этой борьбѣ крѣпкій характеръ Ломоносова остался побѣдителемъ. Масса научныхъ сочиненій, всякаго рода изслѣдованій, проектовъ и т. п. по всѣмъ отдѣламъ знаній заставили самихъ враговъ признать въ Ломоносовѣ геніальнаго ученаго, разносторонняго литератора и великаго патріота.

Вся эта вторая половина жизни Ломоносова представляетъ рядъ разнообразныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Онъ былъ и ученымъ, и литераторомъ; въ то же время писалъ трагедіи, оды, сатиры, статьи и учебники по естествовѣдѣнію, похвальныя слова, академическія рѣчи, проекты преобразованія академіи, да еще—завелъ стеклянную фабрику, занимался мозаикой, занимался обученіемъ молодыхъ людей пробирному искусству и при всемъ этомъ находилъ способъ вести обширную дѣловую переписку.

Кающійся пьяница.

(Картинка изъ жизни).

Не далеко отъ центра одного изъ небольшихъ южно-русскихъ городовъ, въ подвальномъ этажѣ двухъэтажнаго дома, принадлежавшаго извѣстному въ этомъ городѣ богачу, думскому гласному, находился и сейчасъ, должно быть, находится кабачекъ, въ которомъ производилась торговля русскими винами распивочно и на выносъ.

Моного, много людей перебывало въ этомъ кабачкѣ, такъ много, что крутая, деревянная лѣстница была до того обита, что по ней трудно было ходить, ибо куда бы нога посѣтителя ни ступила, всюду она наткнется на углубленіе или бугорокъ, отчего посѣтители, зачастую являвшіеся туда не въ весьма трезвомъ состояніи, ступивши на первую ступень, скатывались внизъ, поднявъ кверху руки и размахивая ими, какъ бы ища въ воздухѣ какой-либо поддержки, которая могла бы помѣшать паденію.

Когда такого рода посѣтитель поднимается и, почесывая бока и затылокъ, и глупо ухмыляясь при этомъ, начнетъ вглядываться вглубь, то ничего не увидитъ и лишь черезъ нѣкоторое время, которое нужно для того, чтобы глаза, еще такъ недавно ощущавшіе дневной свѣтъ, могли привыкнуть къ окружающей ихъ темнотѣ, смутно начинаютъ вырисовываться ведущія въ «залъ» двери, въ которыя и входитъ, и затѣмъ, оглядывая ряды столовъ, обитыхъ клеенкой, изорванной посѣтителями, выбираетъ одинъ изъ нихъ, за который усаживается, предварительно поманивъ къ себѣ кивкомъ головы и легкимъ взмахомъ руки полового, уже и безъ того подходившаго къ нему.

Какъ многіе посѣтители этого кабачка, подъ вліяніемъ жениныхъ, иногда и тещиныхъ внушеній ни критиковали его и ни раскаивались въ своемъ пристрастіи къ вину и этому заведенію, а все же не могли окончательно отказаться отъ удовольствія выпить съ товарищами-собутыльниками «стаканчика» вина, послѣ котораго слѣдуетъ второй, третій, бутылка, двѣ... Впрочемъ, случалось, что нѣкоторые раскаивались въ этомъ грѣхѣ и безъ жениныхъ и тещиныхъ внушеній. Это случалось тогда, когда они выпивали такое количество вина, отъ котораго такъ расчувствывались, что начинали плакать «горючими слезами», глотая ихъ вмѣстѣ съ виномъ, которое усердно подливали имъ ихъ «сосѣди-утѣшители».

Не разъ и мнѣ приходилось бывать въ этомъ кабачкѣ и тамъ я неоднократно встрѣчалъ подобныхъ кающихся пьяницъ. Однажды, помню, я сидѣлъ за однимъ изъ столовъ, находившихся у стѣны, сильно пахнувшей сыростью. Недалеко отъ меня за сосѣднимъ столомъ сидѣли два оборванца и пили вино. Одинъ изъ нихъ былъ полусѣдой старикъ, другой—немного помоложе. И тотъ и другой были нѣсколько «подъ мухой», то-есть въ такомъ состояніи, въ которомъ одни дѣлаются такими мягкими и чувствительными, что начинаютъ «проливать горючія слезы», а другіе—озлобляются и хотятъ пить, пить, пить до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до безсознательнаго состоянія, въ которомъ превращаются въ неодушевленные предметы, которые сами собой управлять не могутъ, какъ не могутъ ими управлять другіе, не употребляя для этого физической силы. Вотъ въ такомъ состояніи находились эти два «почтенные» субъекта. Старикъ сидѣлъ опустивъ голову на грудь и былъ печаленъ, а его сосѣдъ смотрѣлъ на него довольно злобно, такъ злобно, что со стороны казалось, что вотъ вотъ начнетъ колотить взгрустнувшаго старика. Молодому хотѣлось пить, пить свободно и много, чего онъ никакъ не могъ сдѣлать изъ уваженія къ лѣтамъ и «положенію» своего собутыльника. Наконецъ, взявъ въ руки порывистымъ движеніемъ бутылку съ виномъ, онъ разлилъ его по рюмкамъ и сказалъ:

— Выпьемъ, Гаврило Степанычъ?

Старикъ молчалъ и какъ бы въ отвѣтъ на нѣсколько грозный вопросъ товарища еще болѣе задумался. Скоро онъ опустилъ голову на столъ и началъ вздрагивать всѣмъ туловищемъ, а затѣмъ послышались глухія всхлипыванія.

— Чего это вы, Гаврило Степанычъ?—спросилъ старика недовольнымъ тономъ сосѣдъ.

— Такъ, Сидоръ Петровичъ. Жаль мнѣ стало хорошее время, когда я жилъ хорошо, не шлялся по кабакамъ и не пьянствовалъ.

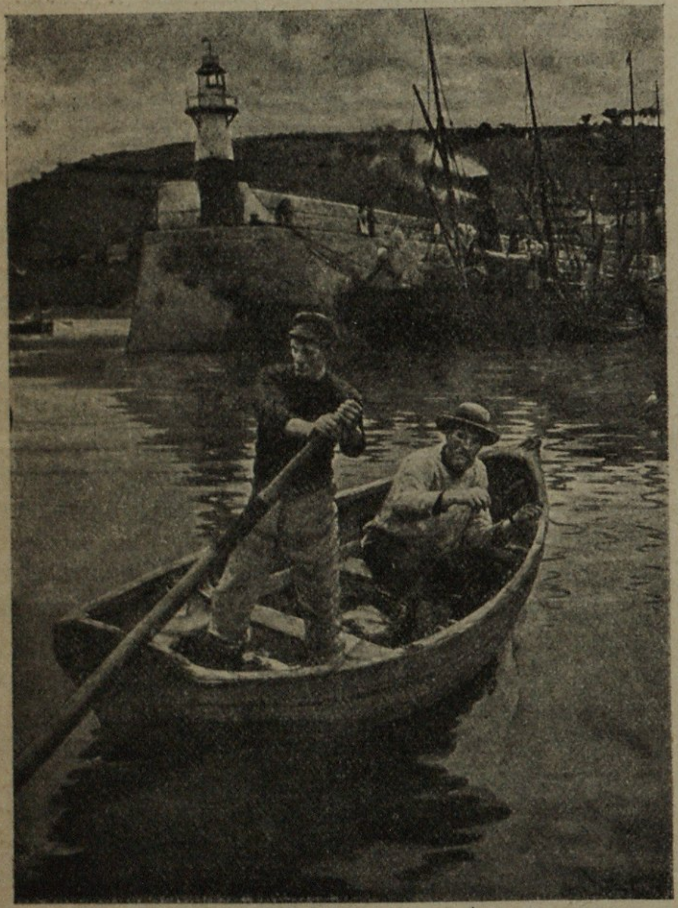
— Чего тамъ жалѣть? Что прошло, того не вернешь.

— Оно то вѣрно, что не вернешь, а все-таки тяжело станетъ на душѣ, когда вспомнишь объ этомъ.

Старикъ замолчалъ и задумался, а Сидоръ Петровичъ заерзалъ на стулѣ, какъ бы желая сказать этимъ: «гляди, какъ старый чортъ нюни распустилъ». Гаврило Степановичъ замѣтилъ это движеніе и сказалъ:

— Вамъ, Сидоръ Петровичъ, смѣшно смотрѣть на меня... А оно вовсе не смѣшно. Вы смѣетесь... Это потому, что вы, можетъ, никогда другимъ не были, а я былъ. Да, Сидоръ Петровичъ, былъ я хорошимъ человѣкомъ, только Богъ не привелъ мнѣ такимъ остаться. На то Его Божья воля! Былъ я одно время хорошимъ человѣкомъ и хорошимъ работникомъ и не былъ пьяницей. Вспоминаю я сейчасъ всю свою жизнь и думаю: какой я негодный на этомъ свѣтѣ человѣкъ. Я самъ не могу ничего съ собою сдѣлать, а нуженъ мнѣ кто-нибудь другой. Да, нуженъ, потому что я никуда негодный человѣкъ. Что я такое сейчасъ и что я былъ раньше? Пьяница и больше ничего! Былъ я молодымъ,—пилъ и много пилъ, такимъ былъ пьяницей, что меня вездѣ, куда только я ни поступалъ на мѣсто, прогоняли, потому что я пьянствовалъ и не работалъ. Такъ меня гоняли со всѣхъ мѣстъ, пока я не поступилъ на службу къ покойному купцу, царство ему небесное, Федору Николаевичу Сидченко. У него я долго служилъ и служилъ бы, кажется, до самой

своей смерти, если бы его не убралъ Господь. Умный былъ онъ человѣкъ. Своимъ умомъ и хитростью онъ дошелъ до того, что я бросилъ пить и привыкъ къ работѣ. Хорошо мнѣ было у него. Хорошо было тогда и моей женѣ и дѣтямъ, потому что недостатка тогда имъ ни въ чемъ не было. А потомъ, когда умеръ Федоръ Николаичъ, я опять началъ пить и съ тѣхъ поръ пью и бросить не могу. Допился я до того, что сталъ воровать, и за это два раза сидѣлъ по восьми мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Вотъ до чего довело меня вотъ это.



МАЯКЪ. Съ картины Е. Форосъ.

Тутъ онъ указалъ на бутылку съ виномъ.— Жаль мнѣ, Сидоръ Петровичъ, жаль хорошее время, такъ жаль, что плакать хочется. Жаль мнѣ дѣтей своихъ и жену.

— Чего тамъ жалѣть дѣтей, они небось повыростали,—сказалъ Сидоръ Петровичъ, взявъ въ руки наполненную виномъ рюмку. — Выпьемъ, Гаврило Степанычъ! Что было, то прошло...

— Да, прошло...

Гаврило Степановичъ медленно взялъ свою рюмку, чокнулся съ «сосѣдомъ-утѣшителемъ» и выпилъ все заключавшееся въ рюмкѣ вино. Скоро вслѣдъ за этой рюмкой послѣдовала вторая, а затѣмъ третья и «пошла писать губернія».

Пей, старикъ, и не думай ни о чемъ!

Б. Кульчицкій.

Собачій гувернеръ.

(Разсказъ).

Я очень долго былъ безъ мѣста. Почти годъ.

Измучившись душевно и физически, перенося тяжкія жизненныя лишенія—я рѣшилъ сдать послѣднюю и на послѣдніе финансы публикацію такого содержанія: «молодой человѣкъ, неопредѣленныхъ занятій, умоляетъ добрыхъ людей дать какое-нибудь мѣсто за самое скромное вознагражденіе».

На другой день получаю письмо: «просимъ зайти по такому-то адресу»:

Слѣдуетъ адресъ.

Являюсь... и прошу доложить о себѣ.

Судя по передней, можно думать, что квартира барская, и я ужъ мечталъ о приличной должности и о солидномъ окладѣ. И что-то даже мелькнуло въ головѣ ввидѣ женитьбы...

Вышла старая, полная, сѣдая барыня. Она, склонивъ голову на бокъ, прищуривъ лѣвый глазъ, стала сперва оглядывать меня съ ногъ до головы, какъ-будто бы я былъ выведенъ на рынокъ для продажи. Осмотрѣвъ меня внимательно, она граціозно выпрямилась и заговорила томно-театральнымъ тономъ:

— Ваша публикація была такъ умоляюща, что мы въ этотъ же день послали вамъ письмо, дабы сдѣлать вамъ поскорѣе что-нибудь благое... Нашъ девизъ—помогать нуждающимся. Я вижу, что вы не изъ пролетаріевъ, и мы васъ устроимъ. У меня есть очень хорошее и легкое мѣсто, а обязанности,—барыня показала мнѣ полмизинца. —Это все—ходить за двумя маленькими милыми песиками: Биби и Жужу. Это такія прелестныя собачки. Жалованье—пятнадцать рублей, столъ и комнатка; но комнатка у насъ полагается вмѣстѣ съ Жужу и Биби. Вы не смущайтесь: комнатка эта—одна прелесть.

Она отворила дверь, тутъ же рядомъ находившейся комнаты, чтобы показать мнѣ ея уютность.

— Хргрр... нга, нга, нга—залаяла одна изъ моихъ будущихъ воспитанницъ.

Барыня закрыла дверь, и я видѣлъ только двѣ собачьи кровати, стоящія вдоль стѣны.

— Онѣ еще очень молодыя, почти щенки,—продолжала барыня тѣмъ же тономъ.—Если вы пожелаете у насъ остаться, то обязанности очень просты: кормить собачекъ, каждый день утромъ и вечеромъ, ходить съ ними гулять, утромъ дѣлать имъ ванночку. Видите, какъ это все просто... Угодно вамъ такъ?

Я поклонился и отвѣтилъ:

— Очень вамъ благодаренъ.

Хотя это дѣло мнѣ казалось очень не по душѣ, но вѣдь голодная смерть еще хуже должности собачьяго гувернера.

— Ну, видите, какъ хорошо,—продолжала моя будущая повелительница.—Вотъ вы и спасены... Какъ васъ зовутъ?

— Гаврила Плюхинъ,—отвѣтилъ я.

Барыня такъ пренебрежительно сморщилась, какъ будто она нечаянно раскусила облатку хины.

— М-гу... да, — промычала она, — Плюхинъ... Плюхинъ... А у васъ другой фамиліи, позвучнѣе, нѣтъ?

— Не имѣю, сударыня...

— М-да... Ну, ладно... Пойдемте-ка, я васъ покажу мужу. Не забудьте—мой мужъ полный генералъ! Пол-ный ге-не-ралъ... ваше высокопревосходительство!

Мы прошли маленькій корридоръ и очутились въ кабинетѣ генерала.

Генералъ—сѣдой, полный, бритый, въ бархатномъ коричневомъ халатѣ — сидѣлъ, развалившись на диванѣ, раскуривалъ длинную, какъ у слона хоботъ трубку при помощи казачка-мальчика.

Справа на полу, на коврѣ, также бритый, съ растрепанными волосами, съ испитымъ лицомъ сидѣлъ мужчина и дивно, дивно игралъ на скрипкѣ. При нашемъ появленіи скрипка умолкла.

— Это вотъ его публикація,—сообщила генеральша, показывая на меня.

— Ага! Ну, вотъ и валяй... служи. Ты, пожалуй, будешь подходящъ. Съ виду неконфузный. Какой профессіи?

— Неопредѣленной, ваше высокопревосходительство.

Генералъ такъ привѣтливо посмотрѣлъ на меня, какъ-будто я первый сообащилъ ему о томъ, что онъ награждается еще однимъ орденомъ.

— Откуда тебѣ извѣстно, что я ваше высокопревосходительство?

Я рѣшилъ похолопствовать.

— Ваша широкая благотворительность,—началъ я,—распространяетъ и ваше имя, ваше высокопревосходительство.

— Да, значитъ, ты уже слыхалъ обо мнѣ. Молодецъ!.. Ты напалъ на слѣдъ. Ну, съ Богомъ... къ своимъ обязанностямъ.

Когда я выходилъ изъ кабинета генерала, генеральша была очень любезна со мной и сообщила мнѣ, что скрипачъ этотъ — спившійся артистъ. Пять лѣтъ назадъ онъ потерялъ любимую женщину и теперь, почти лишившійся разсудка, играетъ дивную пѣснь «о минувшемъ счастьѣ». А когда онъ играетъ эту пѣснь, генералъ горько плачетъ. Изумительно играетъ.

Къ вечеру я перебрался на новое мѣсто.

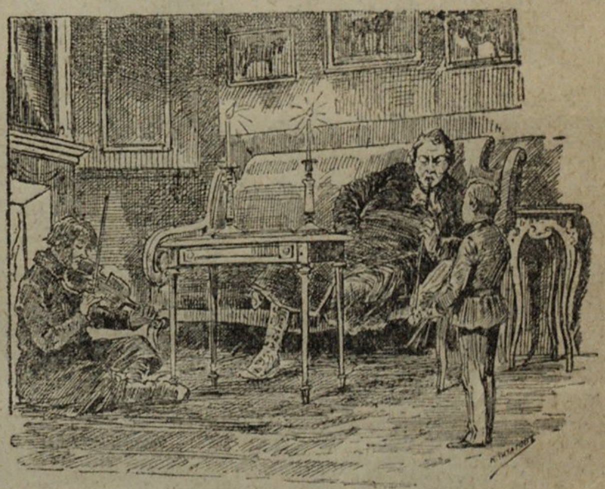
— Ну вотъ и мило, вотъ и хорошо,—привѣтствовала меня генеральша.—Пойдемте въ вашу комнатку; я васъ познакомлю съ будущими воспитанниками вашими.

И мы еще едва открыли дверь, какъ собаки подняли такую свору, что стало больно уши.

— Ну... на мѣсто!—скомандовала генеральша. И Биби и Жужу вернулись на свои кровати.

— Вотъ, мои крошки,—обратилась она къ песикамъ, показывая на меня,—это вашъ новый гувернеръ, любите его и ласкайтесь.

Затѣмъ она обратилась ко мнѣ, показывая на курносаго Жужу и на острорылую Биби:



— Это такіе милые супруги: какъ они умны, какъ они глубоко понимаютъ человѣка, какъ они далеко заходятъ въ его положеніе. Жужу,—чистокровный американецъ: онъ состоитъ даже въ близкомъ родствѣ съ Рузвельтомъ. А Биби англичанка. Ея родословная очень знаменитая и ведетъ за собой длинную исторію.

Еще долго генеральша повѣствовала о Жужу и Биби, но я не слушалъ. Мнѣ такъ хотѣлось ѣсть, что словно съѣлъ бы и генеральшу вмѣстѣ съ ея собаками.

Снова зарыдала скрипка, промелькнула мимо насъ горничная, изъ кухни, въ дверь выглянула рыжая кухарка, а генеральша продолжала знакомить меня съ друзьями человѣчества.

— Биби, подай лапку господину Плюхину.

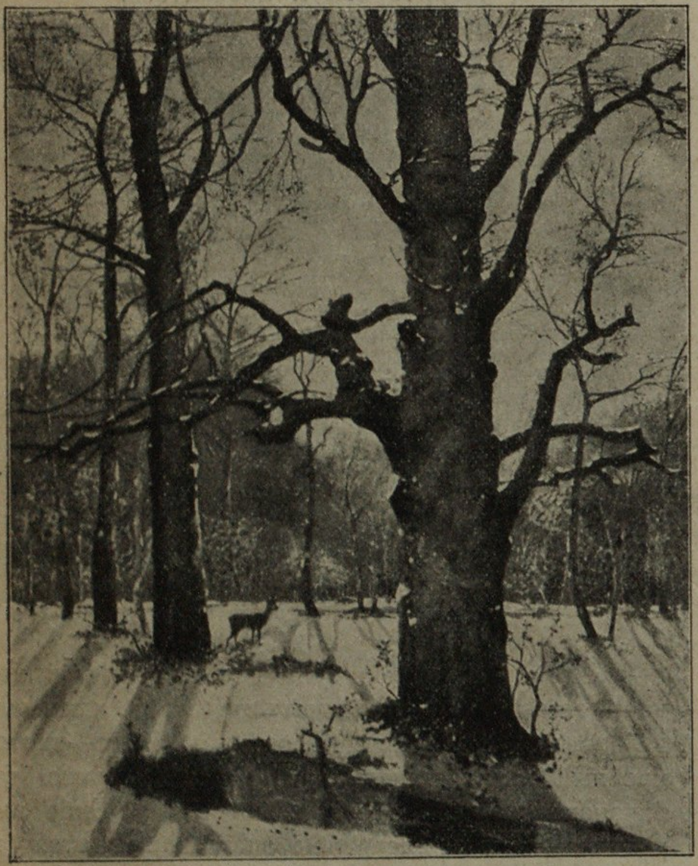
Я протянулъ Биби руку, та молча подала мнѣ лапу, но когда очередь дошла до Жужу, то тотъ такъ схватилъ меня за палецъ, что изъ него брызнула кровь. Жужу получилъ строгій выговоръ, а палецъ мой залили колодіемъ.

Когда я оставался одинъ въ нашей общей комнатѣ, собаки отчаянно лаяли на меня, и уговаривать ихъ прибѣгала или генеральша или горничная. Ночью, когда я спалъ и не ворочался,

собаки молчали, но какъ только я шевелился, сейчасъ же:

— Уррр... Н-га, н-га...

Но мнѣ нужно было встать по дѣлу. Я спустилъ ноги съ кровати и уже было хотѣлъ направиться къ двери, какъ обѣ собаки сорвались съ кроватей и вцѣпились въ мои панталоны. Я одну ударилъ ногой, но другую никакъ не могъ стряхнуть. Одна визжала отъ моего удара, другая терзала мою ногу.



ПЕРВЫЙ СНѢГЪ. Съ карт. Кауфманъ.

Прибѣжала генеральша, за ней горничная: обѣ со свѣчками въ рукахъ, схватили собакъ и посадили ихъ на свои кровати, а я скорѣе скрылся подъ одѣяломъ на своей кровати. Мнѣ было такъ неловко, что мы всѣ очутились въ одномъ нижнемъ бѣльѣ.

Болѣе недѣли я мучился со своими воспитанниками. Утромъ и вечеромъ я ходилъ съ ними гулять, утромъ и вечеромъ кормилъ ихъ или котлетами или антрекотомъ, поилъ свѣжимъ молокомъ. А когда утромъ купалъ ихъ въ ваннѣ, Биби нѣжно скулила, а Жужу идіотски хваталъ меня за руки.

Прибѣгала генеральша и кричала:

— Плюхинъ, осторожнѣй! Плюхинъ, не дѣлайте грубыхъ пріемовъ: онѣ слабыя существа. Ахъ, Плюхинъ, у васъ совсѣмъ мужскія руки.

Послѣ ванны я несъ ихъ поодиночкѣ къ генеральшѣ: та цѣловала имъ лапки и произносила:

— Съ добрымъ утромъ, Жужу, съ добрымъ утромъ, Биби.

Собаки визжали и вертѣли хвостами, какъ мельницей.

Когда со мной встрѣчался генералъ, то всякій разъ спрашивалъ:

— Ну, что вамъ нравится у насъ?

— Очень нравится, ваше превосходительство,— отвѣчалъ я.

Хотя я больше думалъ о висѣлицѣ, чѣмъ о жизни. Со двора меня не пускали, денегъ не давали до тѣхъ поръ, пока не отживу мѣсяцъ. Но было грустнѣе всего, что я умиралъ съ голода. Утромъ мнѣ давали два стакана уже спитого чая и калачъ; въ обѣдъ «людскія» щи, полфунта хлѣба, также и за ужиномъ. И такія порціи назначались самой генеральшой.

Дни тянулись мучительной длинной сѣрой вереницей: дѣла мало, времени много. Не съ кѣмъ было подѣлиться мыслями. Кухарка меня не любила и за обѣдомъ дразнила собачьимъ гувернеромъ, горничная была занята «женихомъ».

И я одинъ.

Однажды генеральша, браня меня за то, что я мало оказываю горячаго вниманія Биби и Жужу, замѣтила мнѣ, что я почему-то сталъ задумчивъ и очень похудѣлъ. Я не сознался и сказалъ, что на меня производитъ глубокое впечатлѣніе дивная пѣснь скрипки несчастнаго артиста.

Дни шли дальше.

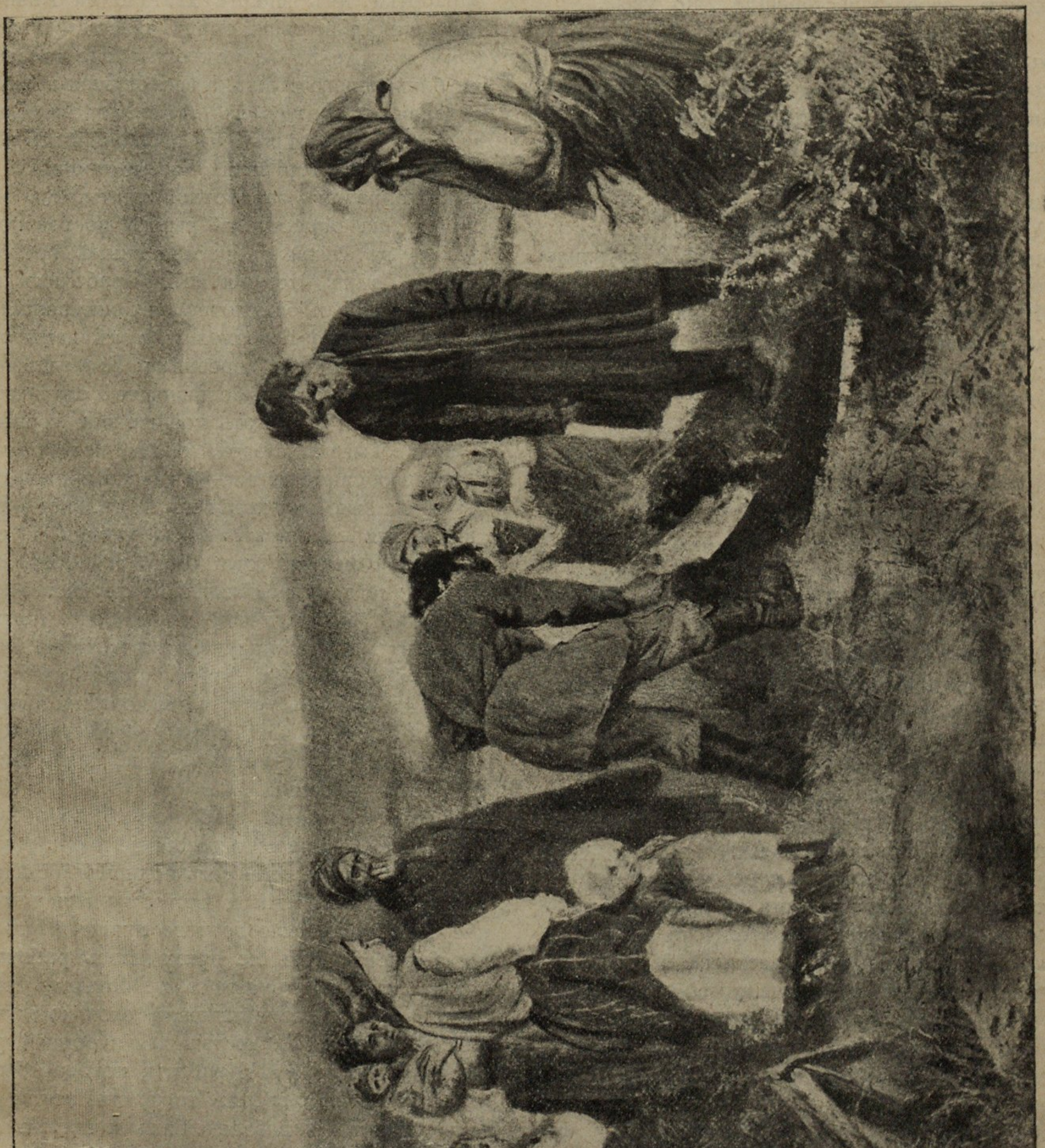
Какъ-то вечеромъ у насъ особенно было тихо. Я лежалъ на кровати по-солдатски, поверхъ одѣяла. Дома не было никого. Генералъ съ генеральшей уѣхали, горничная съ кухаркой ушли со двора. Я силился заснуть, но это мнѣ не удавалось. Мнѣ казалось, что около меня бродятъ какія-то тѣни, а даже были моменты, что я это ощущалъ. Я уже начиналъ думать, что не схожу ли я съ ума или это просто истощеніе силъ.

Довольно мучиться! Выходъ есть.

На другой день за завтракомъ Биби и Жужу я уже не даю по полуфунтовой котлетѣ, а даю одну на двоихъ, вторую же съѣдаю самъ. Такъ же я поступилъ и вечеромъ, и на слѣдующій день утромъ и вечеромъ. Такъ каждый день утромъ и вечеромъ я съѣдалъ по котлетѣ, а одну котлету дѣлилъ пополамъ между собакъ и молоко вмѣсто двухъ стакановъ онѣ получали одинъ.

Собаки стали быстро худѣть и паршивѣть, а я поправляться.

Пригласили ветеринара и тотъ прописалъ какое-то питье въ молокѣ и велѣлъ увеличить порцію пищи, говоря, что онѣ растутъ и требуютъ больше пищи.



ДЕРЕВЕНСКІЯ ПОХОРОНЫ.

(Съ картины К. Маковскаго).

Теперь-то, казалось мнѣ, что можно вполнѣ продолжать свое существованіе... но увы...

Въ концѣ этого мѣсяца утромъ, когда я раздѣлялъ трапезу съ Жужу и Биби, генеральша подсмотрѣла въ щелочку двери, какъ я лакомился пищей нѣжныхъ и слабыхъ животныхъ.

И черезъ нѣсколько минутъ горничная мнѣ вынесла паспортъ.

Значитъ, разсчетъ.

— А жалованье?—спросилъ я.

Горничная захихикала въ руку и конфузливо отвѣтила:

— Жалованье за котлеты барыня высчитала, господинъ гувернеръ!

Теперь я снова пишу такую же публикацію...

Но гдѣ мнѣ взять денегъ?

Выручите, господа!..

Николай Тейковскій.

Исторія рабочаго класса за границей.

Исторія рабочаго класса въ Англіи начинается съ послѣдней половины XVIII в., съ изобрѣтенія паровой машины и машинъ для обработки хлопка. Эти изобрѣтенія, какъ извѣстно, вызвали промышленный переворотъ, отразившійся и на всей совокупности общественныхъ отношеній,—переворотъ, міровое значеніе котораго только теперь начинаютъ признавать. Англія даетъ намъ классическій образецъ этого переворота, который былъ тѣмъ колоссальнѣе, чѣмъ съ меньшимъ шумомъ онъ совершался; по этой же причинѣ Англія оказалась также классической страной развитія главнѣйшаго спутника промышленнаго переворота—пролетаріата. Только въ Англіи пролетаріатъ можетъ быть изученъ всестороннимъ образомъ во всѣхъ проявленіяхъ его жизнедѣятельности.

Однако, мы не будемъ здѣсь заниматься ни исторіей этого переворота, ни его громаднымъ значеніемъ для настоящаго и будущаго. Эти вопросы должны составить предметъ будущей, болѣе обстоятельной работы. Здѣсь мы ограничимся лишь тѣмъ немногимъ, что необходимо для пониманія послѣдующихъ фактовъ и для уясненія современнаго положенія англійскаго пролетаріата.

До изобрѣтенія машинъ пряденье и тканье сырого матеріала производились въ жилищѣ самого работника. Жена и дочь пряли пряжу, которая затѣмъ ткалась мужемъ или продавалась на сторону, если отецъ семьи не перерабатывалъ ее лично. Въ большинствѣ случаевъ такія семьи ткачей жили въ деревнѣ, по близости отъ города, заработка имъ вполнѣ хватало на жизнь, такъ какъ спросъ на ткани опредѣлялся главнымъ образомъ и даже почти исключительно потребностями ближайшаго рынка, а всемогущая конкуренція, которая вторглась въ этотъ промыселъ впослѣдствіи, съ открытіемъ заграничныхъ рынковъ и развитіемъ торговли, еще не понижала замѣтнымъ образомъ заработной платы. Къ тому же спросъ на окрестномъ рынкѣ постоянно повышался, въ связи съ постепеннымъ ростомъ населенія, такъ что для всѣхъ рабочихъ находилось занятіе, и ожесточенная конкуренція между рабочими была невозможна, такъ какъ они жили разбросанно по деревнямъ. Благодаря такимъ условіямъ, ткачъ въ большинствѣ случаевъ былъ въ состояніи сберегать кое-что про черный день и арендовывать клочекъ земли, которому посвящалъ свободное время,—а такого времени у него было, сколько ему хотѣлось, такъ какъ онъ могъ заниматься тканьемъ, когда угодно и сколько угодно.—Конечно, онъ былъ плохимъ крестьяниномъ: его земледѣльческое хозяйство велось небрежно, и настоящій доходъ отъ него былъ невеликъ; но, по крайней мѣрѣ, ткачъ не былъ пролетаріемъ, онъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые не имѣютъ ни кола, ни двора; онъ былъ осѣдлымъ и по своему общественному положенію стоялъ ступенью выше, чѣмъ нынѣшній англійскій рабочій.

Такимъ образомъ, рабочимъ было обезпечено тихое и скромное существованіе и они жили спокойно, благопристойно, въ полномъ достаткѣ, «во всякомъ благочестіи и чистотѣ»; ихъ матеріальное положеніе было гораздо лучше, чѣмъ у ихъ преемниковъ; имъ не приходилось работать черезъ силу, они трудились не больше, чѣмъ хотѣли, и все же зарабатывали, сколько имъ было нужно; они имѣли досугъ для здоровой работы въ саду или въ полѣ, работы, которая была для нихъ отдыхомъ; сверхъ того, они могли принимать участіе въ развлеченіяхъ и играхъ своихъ сосѣдей; и всѣ эти игры—кегли, мячъ и т. п.—служили имъ для поддержанія здоровья и крѣпости тѣла. Въ большинствѣ случаевъ они были сильными, хорошо сложенными людьми, и въ ихъ тѣлосложеніи нельзя было открыть никакой или почти никакой разницы сравнительно съ ихъ сосѣдями-крестьянами. Ихъ дѣти росли на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ, и если имъ и случалось помогать своимъ родителямъ въ работѣ, то происходило это только по временамъ, а о ежедневной работѣ въ теченіе восьми или двѣнадцати часовъ не было и рѣчи.

Каковъ былъ моральный и интеллектуальный складъ этого класса—это легко отгадать. Они

были оторваны отъ городовъ, куда они никогда не являлись, такъ какъ пряжу и ткань сдавали пріѣзжавшимъ къ нимъ агентамъ, отъ которыхъ и получали свою заработную плату. Эта оторванность ихъ доходила до того, что старики, жившіе совсѣмъ недалеко отъ города, появлялись тамъ только тогда, когда машина лишала ихъ наконецъ заработка, и они вынуждены бывали отправляться въ городъ за работой; въ моральномъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ они стояли на той же ступени развитія, какъ крестьяне, съ которыми они, кромѣ того, были по большей части и непосредственно связаны клочкомъ своей земли. Въ своемъ сквайрѣ—наиболѣе значительномъ изъ окрестныхъ землевладѣльцевъ—они видѣли своего естественнаго представителя, они спрашивали у него совѣта, передавали на его рѣшеніе свои мелкіе споры и воздавали ему всяческій почетъ, который вытекалъ изъ такого рода патріархальныхъ отношеній. Они были «почтенными» людьми и добрыми отцами семейства, жили нравственно, такъ какъ не имѣли никакого повода быть безнравственными,—ибо по сосѣдству не было кабаковъ или кафе-шантановъ, а трактирщикъ, у котораго они иногда утоляли свою жажду, былъ также почтеннымъ человѣкомъ и по большей части крупнымъ фермеромъ, который держалъ хорошее пиво, наблюдалъ за добрымъ порядкомъ и рано прекращалъ торговлю. Дѣтей они цѣлый день держали при себѣ и воспитывали въ послушаніи и въ страхѣ божьемъ; патріархальныя семейныя отношенія оставались нетронутыми, пока дѣти сами не вступали въ бракъ; молодые люди росли въ идиллической простотѣ и близости отношеній со своими сверстниками до самаго супружества, и хотя половыя сношенія до брака наблюдались почти постоянно, но случалось это только послѣ того, какъ обѣ стороны признавали для себя бракъ нравственно обязательнымъ, такъ что послѣдующій бракъ приводилъ снова все въ порядокъ. Словомъ, тогдашніе англійскіе промышленные рабочіе жили и думали точно такъ же, какъ это встрѣчается еще кое-гдѣ и теперь въ Германіи, жили изолированно и уединенно, не проявляли никакой умственной дѣятельности и не подвергались серьезнымъ колебаніямъ въ своемъ жизненномъ положеніи. Имъ лишь изрѣдка приходилось читать и еще рѣже—писать, но они исправно ходили въ церковь, не занимались политикой, не конспирировали, не думали, забавлялись физическими упражненіями, со врожденнымъ благоговѣніемъ слушали чтеніе библіи и при своей скромности и непритязательности превосходно уживались съ высшими классами. Зато они не знали духовной жизни, жили только своими мелкими частными интересами и ничего не знали о томъ могучемъ движеніи, которое гдѣ-то тамъ охватывало человѣчество. Они чувствовали себя весьма уютно въ своемъ тихомъ растительномъ существованіи и безъ промышленной революціи никогда не оставили бы этой, не лишенной, конечно, своей романтической прелести, но недостойной человѣка, жизни. И на самомъ дѣлѣ, это были не люди, а просто рабочія машины, служившія малочисленнымъ аристократамъ, которые до сихъ поръ, управляли всѣмъ ходомъ исторіи. Промышленная революція сдѣлала только прямой выводъ изъ этого положенія, окончательно превративъ рабочихъ въ простыя машины и лишивъ ихъ послѣднихъ остатковъ самостоятельной дѣятельности; тѣмъ самымъ, однако, она разбудила ихъ мысль и толкнула ихъ къ добыванію человѣческаго положенія. Какъ во Франціи—политика, такъ въ Англіи—промышленность и развитіе буржуазнаго общества вообще, бросили въ водоворотъ исторіи послѣдніе слои народа, до тѣхъ поръ вполнѣ равнодушные къ общественнымъ интересамъ.

Первымъ изобрѣтеніемъ, внесшимъ рѣшительную перемѣну въ положеніе англійскихъ рабочихъ, была — дженни, изобрѣтенная ткачемъ Джемсомъ Гаргривсомъ изъ Стэнчилля близъ Блэкберна, въ графствѣ Сѣверный Ланкширъ (въ 1764 г.) Эта машина была примитивнымъ зародышемъ позднѣйшей мюль-машины (механической прялки); она приводилась въ движеніе рукой, но, въ отличіе отъ простой ручной прялки, имѣла вмѣсто одного веретена—отъ шестнадцати до восемнадцати. Благодаря этому, оказалось возможнымъ вырабатывать значительно больше пряжи, чѣмъ раньше, тогда какъ раньше при одномъ ткачѣ всегда работало три прядильщицы, причемъ въ пряжѣ все же чувствовался недостатокъ, и ткачу часто приходилось, въ ожиданіи пряжи, прекращать работу, теперь пряжи оказалось черезчуръ много для наличнаго количества ткачей. Спросъ на ткани, и безъ того повышавшійся, возросъ въ еще большей степени подъ вліяніемъ удешевленія ихъ цѣны, вызваннаго уменьшеніемъ издержекъ производства при примѣненіи новой машины; потребовалось больше ткачей, чѣмъ раньше, и ихъ заработная плата повысилась. И вотъ, имѣя возможность увеличить свой заработокъ отъ ткацкаго станка, ткачъ мало-по-малу совсѣмъ забрасывалъ свое земледѣльческое хозяйство и переходилъ къ исключительному занятію ткачествомъ. Въ это время семья, состоящая изъ четверыхъ взрослыхъ и двоихъ дѣтей, которыя засаживались за прялку, могла заработать при десятичасовой ежедневной

работѣ 4 фун. стер. (28 талеровъ или 38 рублей) въ недѣлю, а зачастую, когда дѣла шли хорошо и работы было много,—еще больше; даже ткачъ, работавшій въ одиночку за однимъ ткацкимъ станкомъ, нерѣдко зарабатывалъ 2 фунта (19 р.) въ недѣлю. Такимъ образомъ, классъ ткачей-земледѣльцевъ мало-по-малу исчезъ совершенно и растворился въ новомъ классѣ чистыхъ ткачей, которые жили одной лишь заработной платой, не имѣли никакой собственности, даже подобія собственности въ видѣ арендованнаго клочка земли, т.-е. превратились въ пролетаріевъ (working men). Къ этому присоединилось, то обстоятельство, что прежнія взаимоотношенія между ткачемъ и прядильщикомъ равнымъ образомъ совершенно измѣнялись. До сихъ поръ пряденье и ткачество всегда производились, по возможности, подъ одной и той же кровлей. Теперь же, когда «дженни» потребовала такой же сильной руки, какъ и ткацкій станокъ, прясть стали также мужчины, и уже вся семья жила на заработокъ съ этого занятія, тогда какъ другимъ семьямъ, напротивъ, пришлось бросить устарѣлую отсталую прялку и жить на заработокъ съ одного лишь ткацкаго станка отца семейства,—если у нихъ не хватало средствъ на покупку «дженни».—Такъ началось раздѣленіе труда между пряденьемъ и ткачествомъ, доведенное до такой степени совершенства позднѣйшимъ развитіемъ промышленности.

Въ то время какъ уже эта первая, весьма несовершенная еще, машина породила промышленный пролетаріатъ, она же способствовала возникновенію земледѣльческаго пролетаріата. До тѣхъ поръ въ странѣ существовало множество мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ-называемыхъ йоменовъ (yeomen), которые жили тою же безмятежною, лишенной всякихъ умственныхъ интересовъ, растительной жизнью, какъ и ихъ сосѣди-ткачи. Они кое-какъ воздѣлывали свой клочекъ земли, по-старому, точно такъ же, какъ и ихъ отцы, и сопротивлялись всякимъ новшествамъ съ упорствомъ, свойственнымъ людямъ рутины, которые въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній не знали никакихъ перемѣнъ. Среди нихъ было не мало мелкихъ фермеровъ,—фермеровъ не въ современномъ смыслѣ слова, но такихъ, которые либо путемъ договоровъ о наслѣдственной арендѣ, либо въ силу стараго обычая, получили свой клочекъ земли по наслѣдству отъ отцовъ и дѣдовъ и потому были до тѣхъ поръ столь же сильно привязаны къ нему, какъ если бы онъ былъ ихъ собственностью. Теперь, когда промышленные рабочіе побросали земледѣліе, масса земельныхъ участковъ освободилось, и на нихъ обосновался новый классъ **крупныхъ фермеровъ**, которые сразу снимали въ аренду 15, 100, 700 и болѣе морговъ земли на правахъ tenants—of vili, т.-е. такихъ фермеровъ, которымъ землевладѣлецъ могъ каждый годъ отказать въ возобновленіи аренды. Эти фермеры, благодаря улучшеннымъ методамъ земледѣлія и сравнительно крупнымъ размѣрамъ хозяйства, умѣли повышать доходы со своей земли. Они могли продавать свои продукты по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ мелкій йоменъ, и послѣднему, когда его клочекъ земли переставалъ его пропитывать, не оставалось ничего больше, какъ продать его и либо взяться за дженни или ткацкій станокъ, либо наняться въ качествѣ поденщика, земледѣльческаго пролетарія, къ крупному арендатору. Его врожденныя неповоротливость и небрежность въ обработкѣ земли, которыя были имъ унаслѣдованы отъ отцовъ и дѣдовъ и которыхъ онъ не умѣлъ преодолѣть, не оставляя ему иного выбора, когда онъ былъ поставленъ въ необходимость конкуррировать съ людьми, обрабатывавшими землю болѣе раціональнымъ образомъ и пользовавшимися всѣми тѣми выгодами, которыя приносило крупное хозяйство и приложеніе капиталовъ къ улучшенію почвы.

Ф. Э.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Грамотность населенія въ Московской губерніи.

Большой интересъ представляетъ только-что вышедшее въ свѣтъ изслѣдованіе П. А. Вихляева «Экономическія условія народнаго образованія въ Московской губерніи».

Отмѣчая возрастаніе грамотности среди населенія Московской губерніи и интенсивный ростъ числа земскихъ школъ, г. Вихляевъ, съ цифрами въ рукахъ доказываетъ, однако, что приближеніе школы къ населенію почти не отразилось на продолжительности школьнаго обученія крестьянскихъ дѣтей. Населеніе ограничивается лишь первоначальными навыками чтенія, письма и счета, достигая этого умѣнія въ младшихъ отдѣленіяхъ начальной школы, изъ которой дѣти берутся до окончанія ими полнаго курса. Причиною тому, по мнѣнію г. Вихляева, являются преимущественно узко-утилитарныя воззрѣнія крестьянъ на значеніе грамотности и невысокій уровень ихъ матеріальной обезпеченности.

По отзывамъ самихъ крестьянъ, учатъ главнымъ образомъ мальчиковъ потому, что грамота можетъ пригодиться имъ современемъ въ ихъ промысловыхъ занятіяхъ, при отбываніи воинской повинности, при прохожденіи общественной службы и т. п. Въ этомъ случаѣ мальчикъ разсматривается какъ будущій работникъ, какъ добытчикъ для семьи. Что же касается дѣвочекъ, то къ нимъ отношеніе съ обученіемъ грамоты иное. «Не принято», «не за-

ведено», «моды нѣтъ»,—вотъ довольно обычные отвѣты на вопросы о причинахъ необученія дѣвочекъ. Главная же причина въ послѣднемъ случаѣ заключается въ томъ, что каждая дѣвочка при нормальномъ порядкѣ вещей должна будетъ современемъ выйти замужъ, слѣдовательно, должна будетъ удалиться изъ родной семьи. Такая точка зрѣнія и отразилась на распредѣленіи числа грамотныхъ въ губерніи по полу: въ то время какъ грамотныхъ мужчинъ (по подворной переписи 1898—1900 гг.) была почти половина (50%), всего мужскаго населенія, грамотныхъ женщинъ менѣе $^1/_8$ (14%) женскаго населенія.

Земельныя условія крестьянскаго хозяйства имѣютъ значеніе въ распространеніи грамотности: грамотность населенія повышается вмѣстѣ съ расширеніемъ надѣла. Не безъ вліянія оказываются и промысловыя занятія населенія. Такъ, мѣстные промыслы оказываютъ задерживающее вліяніе на школьное обученіе дѣтей. Объясняется это тѣмъ, что дѣти, особенно старшихъ возрастовъ, отвлекаются отъ школьныхъ занятій для работы въ домашней и кустарной промышленности. Мастерская вступаетъ въ конкуренцію со школой и побѣждаетъ послѣднюю. Впрочемъ, разные промыслы въ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ не одинаково. Среди ткачей наблюдается, напр., слабая посѣщаемость школы, что представляется вполнѣ понятнымъ, такъ какъ дѣти, особенно мальчики, привлекаются здѣсь въ качествѣ шпульниковъ еще въ школьномъ возрастѣ. Высокой степенью непосѣщаемости школъ выдѣляются семьи, работающія на машиностроительныхъ заводахъ.

Подчеркивая вліяніе экономическаго фактора на распространеніе грамотности, г. Вихляевъ предостерегаетъ отъ отвлеченныхъ построеній при выработкѣ плана школьной сѣти. Онъ говоритъ, что при составленіи такого плана должны быть приняты во вниманіе непремѣнно и хозяйственныя условія.

Женскій фабричный трудъ въ Россіи.

Усилившееся примѣненіе женскаго труда на фабрикахъ и заводахъ было впервые отмѣчено какъ крупный фактъ въ 1904 году, когда во время призыва запасныхъ и войны съ Японіей, промышленныя, рабочія мужскія профессіи значительно порѣдѣли и на нихъ стали женщины. И этотъ фактъ еще болѣе убѣдилъ фабрикантовъ, что женскій трудъ можно эксплоатировать еще болѣе свободно. послѣ чего фабриканты стали отдавать предпочтеніе женщинамъ, какъ болѣе спокойному и устойчивому элементу и болѣе дешевому труду. Послѣ 1905 г. процессъ замѣны мужского труда женскимъ совершался ускореннымъ темпомъ, и фабричные инспектора стали отмѣчать, что «явленіе это есть результатъ бывшаго рабочаго движенія».

Такимъ образомъ, причины замѣны мужского труда женскимъ лежатъ непосредственно въ историческихъ событіяхъ, которыя переживала страна. Война, отвлекшая часть мужскихъ рабочихъ рукъ, двинула женщинъ въ крупную промышленность. Далѣе, въ бурные 1905—1906 гг. пріобрѣло значеніе и выдвинулось на первый планъ то обстоятельство, что женщины являются болѣе «спокойными элементами»; вызванное рабочимъ движеніемъ повышеніе заработной платы должно было въ дальнѣйшемъ подчеркнуть выгодность женскаго труда, какъ болѣе дешеваго. Этотъ послѣдній мотивъ пріобрѣлъ, повидимому, за послѣдніе годы преобладающее значеніе.

По матеріаламъ совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли въ текстильномъ дѣлѣ уже за три только года (1905—1907 гг.) число рабочихъ рукъ возросло болѣе чѣмъ на 60 тысячъ. Обращаясь къ даннымъ фабричной инспекціи, мы можемъ косвеннымъ путемъ провѣрить правильность вышеприведенныхъ цифръ и дополнить ихъ свѣдѣніями за послѣднее время. Матеріалы фабричной инспекціи не даютъ данныхъ по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, но, выдѣливъ районы, гдѣ господствуетъ текстильное дѣло, мы можемъ получить указанія на ростъ этого производства. Такъ, напримѣръ, въ московскомъ округѣ число рабочихъ въ 1904 г. составляло 567 тысячъ, а черезъ 5 лѣтъ, за 1909 г.,—уже 652 тыс., т.-е. на $84^1/_2$ тыс. болѣе. Въ другомъ центрѣ текстильной промышленности, въ Петроковской губ. (Лодзь), за этотъ же періодъ число рабочихъ возросло на 22 тыс. Если для сравненія обратимся къ районамъ, гдѣ господствуетъ металлургическая промышленность, то не только не обнаружится роста числа рабочихъ, но, наоборотъ, сокращеніе его: въ Петербургской губерніи, напримѣръ, число рабочихъ сократилось на 10 тыс. На основаніи этихъ данныхъ представляется несомнѣннымъ, что текстильная промышленность двигалась впередъ. И это движеніе происходило на фонѣ общаго застоя, можно сказать, окаменѣлости почти всѣхъ остальныхъ отраслей хозяйства.

Отраженіемъ этого процесса и явился въ значительной своей части ростъ женскаго труда. Указанныя выше внѣшнія причины дѣйствовали совмѣстно съ вліяніемъ со стороны самаго хозяйства—и въ итогѣ получился чрезвычайно интенсивный процессъ.

Къ началу 1910 г. распространеніе женскаго труда по отдѣльнымъ фабричнымъ округамъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

Въ Московскомъ округѣ 75%, Варшавскомъ—52%, Петербургскомъ—$43^1/_2$%, Харьковскомъ—21%, Кіевскомъ—21%, Поволжскомъ—19%.

Наибольшее примѣненіе женскій трудъ получилъ въ тѣхъ районахъ, гдѣ расположена преимущественно текстильная промышленность,—въ московскомъ и варшавскомъ. Въ московскомъ округѣ процентъ женщинъ достигъ 75, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ этого округа, въ которыхъ много текстильныхъ фабрикъ, еще болѣе высокой цифры: въ Костромской—цѣлыхъ 100%; во Владимирской губерніи число женщинъ превысило число мужчинъ.

Ростъ женскаго труда не ограничился однако только текстильной промышленностью; напротивъ, онъ коснулся почти всѣхъ отраслей хозяйства и даже, по свидѣтельству фабрич-

ныхъ инспекторовъ, такихъ, гдѣ раньше работали исключительно мужчины,—металлургическаго и механическаго производства. Старшій фабричный инспекторъ Московской губ. указываетъ, напримѣръ, на примѣненіе женщинъ въ производствахъ, требующихъ особой выносливости,—на канатныхъ, цементныхъ фабрикахъ, стеклянныхъ и кирпичныхъ заводахъ. «Предпочтеніе фабрикантами труда женщинъ настолько велико, что уже есть фабрики, гдѣ женщины исполняютъ, съ одной стороны, обязанности таскальщиковъ тяжестей, съ другой—занимаютъ мѣста представителей низшей администраціи («Сводъ» за 1908 годъ).

Женскій трудъ не только замѣняетъ мужской тамъ, гдѣ это возможно, но, очевидно, и тамъ, гдѣ это, казалось бы, совершенно невозможно. Невозможное дѣлается возможнымъ,—хотя бы цѣной самой жизни работницъ. Характерно, что статистика несчастныхъ случаевъ въ промышленности успѣла уже обнаружить возрастаніе несчастій среди женщинъ.

Общія данныя, характеризующія участіе женскаго труда въ промышленности, указываютъ на значительный и правильный ростъ его. Число женщинъ-работницъ съ 35% общаго числа мужчинъ въ 1904 году, поднялось до 44% къ 1-му января 1910 года, т. е. достигло цифры, которой не знаетъ ни одна другая страна, гдѣ господствуетъ крупная промышленность.

На-ряду съ этимъ цифры, касающіяся рабочихъ мужчинъ, ясно доказываютъ, что ростъ женскаго труда не сопровождался пропорціональнымъ развитіемъ всего рабочаго класса и вызвалъ полную пріостановку роста мужской его половины.

Сто тысячъ женщинъ, это—новый преимущественно деревенскій элементъ, брошенный впервые въ круговоротъ крупной промышленности. И здѣсь, кажется намъ, скрывается одна изъ причинъ того, что безработица, обнаружившаяся со страшной силой въ 1906 году, приняла въ дальнѣйшемъ такой упорный и жестокій характеръ. Свободныя мѣста замѣщались новыми элементами, и всякій рабочій, теряющій по той или иной причинѣ работу, не могъ уже больше замѣнить ее другой. Переходъ изъ одной отрасли хозяйства,—напр., изъ металлургіи, давшей главный контингентъ безработныхъ,—въ другую,—напр., въ текстильную промышленность,—былъ, слѣдовательно, почти невозможенъ. Промышленность за рабочими руками обращалась не къ наличной резервной промышленной арміи, а къ другому источнику. Резервная армія превращалась въ безнадежно-резервную,—въ армію люмпенпролетаріата.

При такихъ условіяхъ женскій трудъ долженъ особенно рѣзко отразиться и на заработной платѣ рабочихъ. И если послѣдняя чрезвычайно понизилась теперь, то немаловажную роль игралъ здѣсь и женскій трудъ. При его необычайномъ ростѣ женская заработная плата, какъ болѣе низкая, начнетъ въ концѣ-концовъ опредѣлять собой мужскую плату. Рынокъ женскаго труда, это—новый пертурбаціонный очагъ, который на-ряду съ другими причинами позволяетъ заработку рабочаго опуститься далеко за предѣлы жизненнаго уровня.

Интенсивный ростъ женскихъ силъ въ русской промышленности во всякомъ случаѣ—чрезвычайно крупное явленіе, все значеніе котораго недостаточно еще оцѣнено.

Редакторъ *Н. С. Романовъ.*
Издатель *Е. П. Красичковъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 г.

НА ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НАРОДНАЯ СЕМЬЯ

Въ журналѣ принимаютъ участіе многіе **лучшіе русскіе писатели изъ народа**, и журналъ посвящается для чтенія **въ семьѣ простонародья и средняго класса.**

Въ журналѣ будутъ печататься повѣсти, разсказы, очерки, сценки и стихотворенія **изъ быта народа.** СТАТЬИ—о народномъ театрѣ, музыкѣ и народномъ искусствѣ. Домоводство и экономія. Крупныя явленія, событія, вопросы общественной и фабричной жизни. **Народный бытъ за границей. Исторія рабочаго класса за границей. Популярно-научныя статьи и многія другія.**

Будутъ помѣщаться иллюстраціи, рисунки и портреты съ біографіями русскихъ и иностранныхъ народныхъ знаменитостей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставк. и пересыл. на годъ **1 р. 50 к.**, на $^1/_2$ г.—**85 к.**

Адресъ редакціи и конторы: **МОСКВА, Тверская, Георгіевскій п., д. № 14. Телеф. 175-55.**

Редакторъ *Н. С. Романовъ.*
Издатель *Е. П. Красичковъ.*

ПРИНИМАЮ ПОРУЧЕНІЯ

по продажѣ фабрикъ, заводовъ и всякаго рода движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, а также по залогу таковыхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ, составленію Компаній и Товариществъ. Условія общедоступны. Долголѣтняя практика, опытность и рекомендаціи.
Адресоваться: И. С. Иконникову.
Москва, Тверская, Георгіевскій пер., д. Гусачева, кв. № 8.

КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ
Е. П. КРАСИЧКОВА.
МОСКВА, Тверская, Георгіевскій пер. домъ Гусачева.
Телефонъ 175-55.
Пріемъ объявленій во всѣ газеты и журналы, **какъ столичные, такъ и провинціальные**
ПО ЦѢНАМЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЕ ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ
ПРЕДЛАГАЕТЪ МАГАЗИНЪ **МАРСЕЛЬ**
Б. ДМИТРОВКА, Д. ЖИВАГО, ТЕЛЕФ. 116-97.

ЧАЙ № 8.
не бывало высокаго качества по цѣнѣ поступилъ въ продажу въ МАГАЗИНАХЪ
С. С. ЕГОРОВА.
МОСКВА,
1) Охотный рядъ. Телефонъ 8-61.
2) Калужск. рын. » 37-59.
3) Калужск. ул. » 17-04.
4) Семеновск. ул. » 66-43.
Доставка по Москвѣ БЕЗПЛАТНО.

ШКОЛА парижской кройки и шитья
М-мъ СТЕФАНІИ,
по методѣ м-мъ Теодоръ,
и мастерская, что очень важно для учениць, т. к. даетъ возможность ученицамъ видѣть исполненія работъ опытными мастерицами, подъ наблюденіемъ опытныхъ учительницъ. По окончаніи курса ученицы по желанію могутъ оставаться на одинъ мѣсяцъ при мастерской для практики БЕЗПЛАТНО. Полный курсъ кройки и шитья 30 р. и верхнихъ вещей 30 р. По окончаніи курса получ. дипл. рем. Упр. на откр. школы или мастерской. Для пріѣзжающихъ полный пансіонъ.
МОСКВА,
Трубная пл., уголъ Рождественки, д. 31, кв. 8. Телеф. 262-65.

МАГАЗИНЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
Е. И. БѢЛОВА.
1-й бл. Тверской заст., д. Болотнова. | 2-й Рогожская, Воронья ул., д. Волкова.
ТЕЛЕФОНЪ 141-57.
ФАРФОРЪ, ФАЯНСЪ и ХРУСТАЛЬ, чайные и столовые сервизы
МЕЛЬХІОРЪ, БРОНЗА, ЛАМПЫ и ЛАМПОВ. ПРИНАД.
и РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ для ПОДАРКОВЪ
эмалированная желѣзная и чугунная посуда.
ТУЛЬСКІЕ САМОВАРЫ и ПОДНОСЫ,
МЯСОРУБКИ и НОЖИ.
КЕРОСИН. КУХНИ ЗАГРАНИЧН. и ВАРШАВСКІЯ
и ПЕЧИ ДЛЯ СОГРѢВАНІЯ КОМНАТЪ,
луженіе и никкел. самоваровъ и проч. посуды.
ПОЧИНКА ЛАМПЪ и КЕРОСИН. КУХОНЬ.
кровати, МАТРАЦЫ, умывальники
СУНДУКИ, УКЛАДКИ и ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ.

СЕЛЬДИ ШОТЛАНДСКІЯ КОРОЛЕВСКІЯ нѣжнаго засола.
ПРЕДЛАГАЕТЪ
Торг. Домъ М. И. ГРОМОВЪ, Москва, Охотный рядъ. Телеф. 31-22, 114-97.
Отдѣленія: Лубянскій проѣздъ, близъ Ильинскихъ воротъ. Телеф. 50-20.
» Сухаревская площадь, домъ Серебрякова. » 181-10.
» Нѣмецкій рынокъ, противъ часовни. » 232-70.

Только изящной работы. Мундиры, шитья мундирныя, треуголки, шпаги и проч.
Магазинъ золотошвейнаго заведенія
М. И. ШАДРИНЪ и К°,
МОСКВА, Тверская улица, домъ № 21.

УЧ. ТАНЦЕВ
Артистъ Импер. театр.
СЕРГѢЙ ЕРЕМѢЕВИЧЪ
ИВАНОВЪ,
Угловой д. Мал. Дмитровки и Садовой, д. № 2, кв. 12. Тел. 249-54.
СПЕЦІАЛЬНЫЙ ДѢТСКІЙ КЛАСС ПО ВОСКР.
ПЛАСТИКА. МИМИКА

ВНОВЬ ОТКРЫТЪ

ЕВРОПЕЙСКІЙ ЭЛЕКТРО-ТЕАТРЪ

Бол. Тверская-Ямская ул., уг. Оружейнаго пер., д. Журавлева. Тел. 282-98.

ЗИМНІЙ САДЪ.

Въ фойэ играетъ симфоническій оркестръ госп. Яблоновскаго.

Программа состоитъ изъ послѣднихъ новостей.

Театръ открытъ въ будни съ 5 час., а въ праздники отъ 2 ч. дня до 12 ч. ночи.

Программа мѣняется по вторникамъ и субботамъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 годъ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

РЫБОЛОВЪ и ОХОТНИКЪ,

издаваемый въ Вяткѣ съ 1909 года.

Журналъ издается по типу лучшихъ французскихъ спортивныхъ журналовъ, по программѣ: Законы и правительственныя распоряженія по рыболовству и охотѣ.—Повѣсти, разсказы, стихотворенія, описанія.—Спеціальныя статьи по ружейной техникѣ, кинологіи, орнитологіи.—Наши прѣсноводныя рыбы: ихъ описаніе и способы ловли. Рыболовныя снасти: удилища, крючки, лески и т. д.—Приманки и прикормки, употребляемыя русскими и иностранными рыболовами.—Рыбоводство.—Изъ жизни обществъ и кружковъ.—Хроника.—За границей. По Россіи.—Смѣсь.—Отвѣты на вопросы.—Рисунки, каррикатуры.—Особыя приложенія—картины съ фотографій С. А. Лобовикова.

Въ журналѣ принимаетъ участіе **Н. І. Яблонскій.**

Первые 300 подписчиковъ получатъ при № 1 безплатно разсказъ Ивика—«На царскомъ току».

Подписная цѣна: на годъ **2** р., ½ года—**1** р. **10** к., ¼ года—**60** к. Можно почт. марк.

Подписка принимается: въ редакціи, **Вятка**, Николаевская, д. Берманъ, и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи.

Ред.-издатель *Ѳ. Куниловъ.*

ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ

чистой шерсти, первоклассной московской фабрики, цвѣта фрезъ и геліотропъ съ изящной модной отдѣлкой

ЯПОНСКІЙ ФАСОНЪ,

высылается съ наложеннымъ платежомъ за **9** рублей.

Размѣръ отъ 46 до 52 сантиметровъ.

Москва, Лубянскій проѣздъ, домъ музея, № магазина 113, А. Чудакова.

ДЕПО ИГОЛОКЪ

швейныхъ, скорняжныхъ, шорныхъ, фабричныхъ и пр., лучшихъ англійскихъ фирмъ, извѣстныхъ публикѣ подъ названіемъ «ГОФМАНСКІЯ». Также **БУЛАВКИ** всевозможныхъ сортовъ и для всѣхъ спеціальностей, какъ-то: фабричныя, красильныя, коллекціонныя и др.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ ВЪ МАГАЗИНѢ

Н. И. ПЕРЕШИВКИНА, Москва, Моховая, домъ ц. св. Георгія.

КРОЛИКОВОДСТВО

К. В. ШИЛОВСКАГО.

МОСКВА Петровскій паркъ, Стрѣльненское шоссе, (отъ дворца 2-я дача) Захаровой № 9.

Телефонъ: Петровскій паркъ № 100.

Премированное высшими наградами на многихъ выставкахъ, а на послѣдней выставкѣ Императорскаго Россійск. Общ. Сельск.-Хоз. Птицеводства въ Москвѣ отъ 6 до 10 ноября 1910 г. удостоено натурою

БОЛЬШОЙ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

ПРОДАЕТЪ и РАЗДАЕТЪ изъ половины приплода

Племенныхъ КРОЛИКОВЪ

Заграничныхъ и отъ заграничныхъ, а именно: **Польск. горностаев., Вѣнскіе** серебристые (Нѣмецкіе и французскіе разн. цвѣтовъ), **Гаванна, Фландры**—великаны, **Ангорскіе, Шакэ** и др. породъ.

!!! ВНИМАНІЮ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ !!!

Разведеніе кроликовъ очень полезно и выгодно въ каждомъ хозяйствѣ въ особенности у **нашего крестьянина, такъ какъ вслѣдствіе дороговизны мяса** въ большихъ городахъ и отсутствія его въ селеніяхъ, средніе классы населенія часто отказываютъ себѣ въ этомъ необходимомъ здоровомъ питаніи, а низшіе классы, въ особенности **нашъ рабочій-мастеровой и крестьянинъ-сел. хоз.**, совсѣмъ лишены возможности кушать его даже по праздникамъ. **Между прочимъ заграницей** такого положенія не существуетъ, въ особенности въ **Германіи**,—гдѣ въ громадномъ количествѣ разведено **Кролиководство**, отъ котораго получается кромѣ драгоцѣннаго **матеріала, шкурки и пуха**, чудное **МЯСО**, по своему вкусу и здоровой питательности не имѣющее себѣ подобнаго, а по цѣнѣ доступно каждому.

ПРОДАЖА племенныхъ КРОЛИКОВЪ

по цѣнѣ отъ **2** до **10** руб., въ возрастѣ отъ 2-хъ мѣсяцевъ до 1 года.

Уходъ за ними самый простой и дешевый.

Подробный Прейсъ-Курантъ и объясненіе высылаются за 2 семикопѣечныя марки.

Удостоена Высочайшими наградами

М-мъ ТЕОДОРЪ

КУРСЫ ПАРИЖСКОЙ КРОЙКИ, ШИТЬЯ и ШЛЯПЪ.

Кройка и шитье **35 Р.**

Шляпы **3 МѢС. 30 Р.**

Пріемъ ежедневно. Занятія круглый годъ. **ПОЛНЫЙ ПАНСІОНЪ 30 р.**

МОСКВА,

Тверская, Б. Гнѣздниковскій пер., д. Перцъ, кв. 4. Телефонъ 48-90.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный, 58.

— **ТРЕБУЙТЕ ПРОГРАММЫ.** —

Типографія А. П. Поплавскаго. Москва, Лялинъ пер., соб. д.

1 Января 1912 г. Цѣна отдѣльн. номера 5 к.

№ 2.

НАРОДНАЯ СЕМЬЯ

Двухнедѣльный иллюстрированно-литературный народный журналъ.

Рукописи, по усмотрѣнію редакціи, подлежатъ сокращенію и исправленію. Рукописи менѣе печатнаго листа не возвращаются; болѣе — возвращаются, если на пересылку будутъ присланы марки. Желательны рукописи писателей изъ-народа.

Подписная цѣна съ доставкой:
На годъ . . . 1 р. 50 к.
На полгода . . . 85 к.

Объявленія:
за строку петита впереди текста 50 к.
„ „ „ позади „ 30 к.

КОНТОРА
для подписки и объявленій открыта ежедневно съ 10 ч. утра до 8 час. веч.

Редакція открыта по средамъ и субботамъ днемъ отъ 12 до 1 часа, вечеромъ отъ 7 до 9 ч. вечера.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Москва, Тверская, Георгіевскій пер., д. № 14, кв. 8. Телефонъ 175-55.

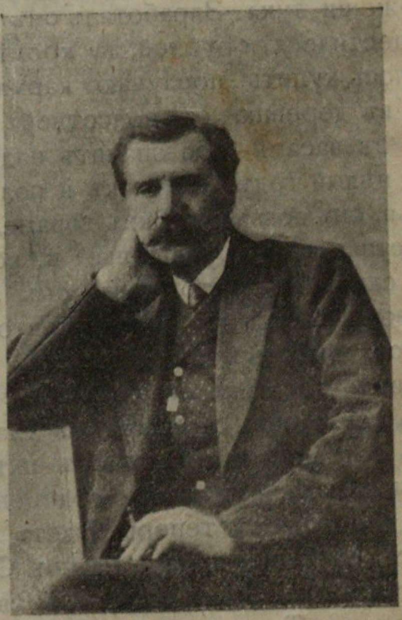
РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ ПУБЛИЧ. БИБЛІОТЕКА

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвореніе **И. А. Бѣлоусова**.—„Не Вамъ“ (стихотвор.) **С. Ганьшина**.—Съ заработка (разсказъ) **Н. Тушина**.—Отъ редакціи.—Голодъ (статья) **М. Сивачева**.—Кончина Н. Н. Златовратскаго.—Литературныя бесѣды (статья) **Гремяка**.—Всероссійская елка (стих.) **Сер. Шинь-Ганъ**.—Замѣтки читателя (изъ народа).—Памяти поэта Никанорова-Каринскаго (статья) **Г. Завражнаго**.—По поводу очерка М. Горькаго. РИСУНКИ: Портретъ Г. Завражнаго.—Портретъ Н. Д. Никанорова-Каринскаго.—Пейзажъ.

* * *

Все побито точно градомъ—
Поле голое вокругъ...
Если двое встанутъ рядомъ,
Не поймешь—кто врагъ, кто другъ.
Путь туманы заслонили...
Зги не видно впереди
И сомнѣнья отравили
Вѣру чистую въ груди.
Какъ идти чего держаться?
Кто укажетъ, поведетъ!
Силы нѣтъ со зломъ сражаться
Тьма,—а солнце не встаетъ!
И живешь лишь позабытый—
Старой вѣрою живешь,
И дорогою избитой
Къ свѣту ощупью идешь.

И. Бѣлоусовъ.



Г. ЗАВРАЖНЫЙ.
(изъ галлереи Народныхъ писателей).

16 Января 1912 г. Цѣна отдѣльн. номера 5 к.

НАРОДНАЯ СЕМЬЯ

№ 3.

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ БИБЛІО-ТЕКА

Двухнедѣльный иллюстрированно-литературный народный журналъ.

Рукописи, по усмотрѣнію редакціи, подлежатъ сокращенію и исправленію. Рукописи менѣе печатнаго листа не возвращаются; болѣе — возвращаются, если на пересылку будутъ присланы марки. Желательны рукописи писателей изъ-народа.	**Подписная цѣна съ доставкой:** На годъ . . . 1 р. 50 к. На полгода . . . 85 к. **Объявленія:** за строку петита впереди текста 50 к. „ „ „ позади „ 30 к.	**КОНТОРА** **для подписки и объявленій** открыта ежедневно съ 10 ч. утра до 8 час. веч. **Редакція** открыта по средамъ и субботамъ днемъ отъ 12 до 1 часа, вечеромъ отъ 7 до 9 ч. вечера.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Москва, Тверская, Георгіевскій пер., д. № 14, кв. 8. Телефонъ 175-55.

СОДЕРЖАНІЕ: Моему народу (стихъ) **С. Ганьшина.**—Какъ смѣлыя волны (стихъ) **С. Кошкарова.**—Человѣкъ и люди (разсказ.) **Н. Маркова.**—Глубокомысленная развязность **Н. Чарова.**—Безработица и благотворительность **Гремяка.**—Люди „третьяго отдѣленія" **М. Сивачева.**—"Благодѣтели" и мног. друг.

Моему народу.

(памяти С. Я. Надсона.)

Многострадальный край, народъ многострадальный,
Стряхнешь-ли рабства гнетъ, позорный, вѣковой?
Заблещетъ-ли заря, отчизна надъ тобой?...

***

Многострадальный край, нуждою вѣкъ забитый,
Среди твоихъ долинъ, среди лѣсовъ, степей
Умолкнетъ-ли когда позорный звонъ цѣпей?...

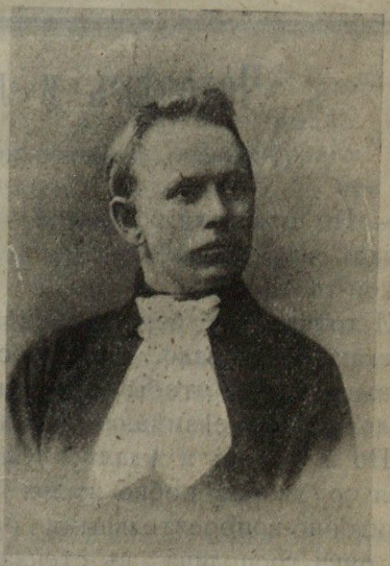
***

Страдалецъ мой народъ вѣками угнетенный,
Разсѣется-ли тьма, дождешься-ль лучшихъ дней?
Ты будешь-ли свободный въ родинѣ своей?...

***

Я вѣрю, милый край, я вѣрю въ это свято —
Пройдетъ пора, умолкнетъ стонъ, голодныхъ плачъ...
Въ твоей странѣ безъ дѣлъ останется палачъ!

Сергѣй Ганьшинъ.



Поэтъ
С. Е. ГАНЬШИНЪ.
(Изъ галлереи народныхъ писателей).

Воскресенье 19 Февраля. Цѣна отдѣльнаго номера 5 к.

НАРОДНАЯ СЕМЬЯ

№ 4.

Двухнедѣльный иллюстрированно-литературный народный журналъ.

Рукописи по усмотрѣнію редакціи, подлежитъ сокращенію и исправленію. Рукописи менѣе печатнаго листа не возвращаются; болѣе—возвращаются, если на пересылку будутъ присланы марки. Желательны рукописи писателей изъ-народа.

Подписная цѣна съ доставкой:
На годъ . . . . 1 р. 50 к.
На полгода. . . . . 85 к.

Объявленія:
за строку петита впереди текста 50 к.
„ „ „ позади „ 30 к.

КОНТОРА
для подписки и объявленій открыта ежедневно съ 10 ч. утра до 8 час. веч.

Редакція открыта по средамъ и субботамъ днемъ отъ 12 до 1 часа, вечеромъ отъ 7 до 9 ч. вечера.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Москва, Тверская, Георгіевскій пер., д. № 14, кв. 8. Телефонъ 175-55.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвореніе **Ганьшина.**—Портретъ **Сивачева.**—Стихотвор. **Праскунина.**—Два міра. **Афанасьева.**—Вишни цвѣтутъ **Елизавета Пашинская.** Стихотвор. **Киселева.**—По поводу одного конкурса. **Гремяка.** Стихотвор. **Кузьмина.**—Народные поэты. **В. Фриче** Стихотвор. **Журавлева.**—Отдали въ ученье. **Вл. Зарубина.**—Горе наборщиковъ.—Хроника.

Борцы.

Среди толпы холодной, лживой
Въ родномъ краю,
Я тѣхъ борцовъ безстрашно-смѣлыхъ
Не узнаю.

* * *

Одни завѣтамъ измѣнили,
Ихъ не вернуть,
Одни ушли, гремя цѣпями,
Въ далекій путь.

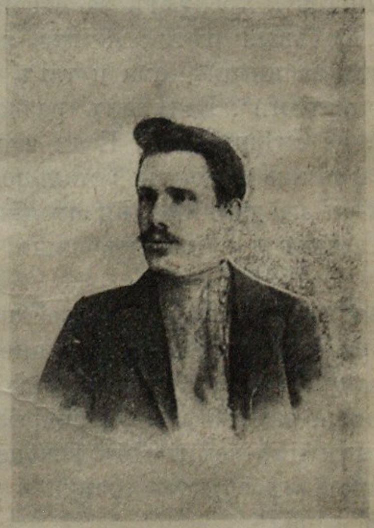
* * *

Но, вѣрю я, настанетъ время,
На мѣсто ихъ,
Придетъ еще смѣлѣй, сильнѣе
Рать молодыхъ.

* * *

И надъ страной, нуждой забитой,
Блеснетъ заря,
И будетъ праздникъ жизни новой
Богатыря!

Сергѣй Ганьшинъ.



М. Г. СИВАЧЕВЪ.
(изъ галлереи Народныхъ писателей).

кій, мѣшковатый, съ выцвѣтшими волосами и вздернутымъ носомъ, онъ былъ неуклюжъ и грубъ. Застѣнчивый, а отъ этого тупой и безтолковый, онъ, однако, имѣлъ много такихъ чертъ, которые при благопріятныхъ условіяхъ развитія могли сдѣлать то, что изъ прежняго Вантяйки, какъ его иной разъ называли товарищи, черезъ пять-шесть лѣтъ могъ выработаться совершенно другой парень.

Онъ прожилъ въ городѣ всего около полугода, но и за это время вліяніе его на немъ сказалось сильно. Онъ какъ, губка воду, быстро впитывалъ въ себя городское и, что называется; „обтесывался". Но ему было жутко одинокому, двѣнадцатилѣтнему ребенку. Если бы новая жизнь улыбнулась ему,—возможно, онъ бы сжился съ городомъ, но она встрѣтила его нелюбо. Съ перваго же шага она сильно давала знать о себѣ и требовала опытности, изворотливости и хитрости.

Когда онъ въ первый разъ вошелъ въ мастерскую—маленькую, низкую комнату съ прокоптѣлыми, засиженными клопами и мухами стѣнами, съ удушливымъ, кислымъ воздухомъ, съ тремя людьми истощенными, блѣдными, которые сидѣли съ согнутыми ногами на каткѣ за работой,—ему вдругъ стало жутко и тоскливо. Правда въ избѣ у нихъ было не лучше, но то было родное, теперь даже милое противъ этого. Какъ будто, что-то тяжелое вползло въ его существо, и давило душу. Онъ остановился около катка и чуть не заплакалъ.

— Тебя какъ зовутъ-то — спросилъ его одинъ изъ подмастерій, сухопарый, съ подбитымъ глазомъ.

— Вантяйка,—робко сорвалась эта дружеская кличка.

— Какъ?.. Вантяйка?—захохоталъ подмастерье.—Да, ты, братъ, что-то врешь. Такого и имени—то нѣтъ. Ты говори какъ тебя по настоящему зовутъ.

— Ну, Иванъ... — смущенный поправился онъ, силясь улыбнуться, а самъ едва сдерживалъ слезы отъ тоски и жути, которые все сильнѣе и сильнѣе вкрадывались въ душу.

— А реветь чего собираешься?.. Ну, братъ такихъ тутъ не любятъ. Здѣсь не деревня.

Ванятка тяжело вздохнулъ и потупился.

— Шить, поди, совсѣмъ не умѣешь?

— Нѣ-ѣтъ.

— Ну, научишься...—мастеръ понизилъ голосъ.—И скорѣе научишься если станешь намъ усердно служить, потому что вся сила въ насъ... Хозяинъ тутъ что?.. Лодырь онъ, только въ портерныхъ, да трактирахъ сидитъ... Ну, а если пойдешь противъ насъ, да кляузы какія затѣешь, не быть тебѣ хорошимъ мастеромъ, такъ и знай.

Черезъ четверть часа внушалъ хозяинъ.

— Затвори дверь,—приказалъ онъ, когда Ванятка вошелъ въ комнату, такую же маленькую и низкую, какъ мастерская. На окнахъ этой комнаты висѣли прокоптѣлыя кисейныя занавѣски, стояли банки съ цвѣтами, на стѣнахъ дешевые олеографіи. Въ углу стояла большая желѣзная кровать, съ люлькой надъ нею. На ней сидѣла маленькая, золотушная дѣвочка и забавлялась какой-то бумажкой. Хозяинъ сидѣлъ за столомъ и пилъ чай. Его бритое, рябоватое и красное отъ вина лицо, высокій ростъ, маленькіе злые глаза и большой животъ, внушали Ваняткѣ страхъ и трепетъ. Войдя въ комнату, онъ какъ-то весь съежился и тупо установился въ лицо хозяина.

— Такъ вотъ... началъ хозяинъ, наполняя стаканъ чаемъ.—Ты поступилъ ко мнѣ въ ученіе. Значитъ, долженъ будешь привыкать къ дѣлу, изучать работу. Ты вотъ сейчасъ выглядишь дикаремъ, такъ надо поскорѣе обтесаться, долженъ быть расторопнымъ, живымъ, что бы все у тебя кипѣло... Теперь относительно мастеровъ. Слушай ихъ, когда что касается работы, не груби, но если за водкой станутъ посылать, Боже упаси! поймаю, голову оторву...

Голосъ хозяина не соотвѣтствовалъ его грузной внѣшности, онъ былъ какой-то разслабленный, тихій и поэтому страхъ у Ванятки ослабъ, но онъ почти не понималъ его, находясь подъ страннымъ, непонятнымъ впечатлѣніемъ пережитаго. Его маленькая голова была въ какомъ-то туманѣ, мысли путались. О чемъ онъ думалъ? Мелькали отрывки мыслей. Напримѣръ то баранкѣ, съ которой пилъ чай хозяинъ—онъ никогда не ѣдалъ такой толстой баранки, навѣрное вкусной—то—о деревнѣ. Пришла на мысль хворостина, которую онъ припряталъ для своей надобности, пара бабокъ, запрятанныхъ въ углу подъ палатями, купленная за копѣйку, которую онъ носилъ и берегъ въ теченіе мѣсяца. Какъ бы ихъ тамъ не выбросили... То думалъ, что теперь дѣлаютъ на деревнѣ ребята?.. отецъ, братъ Михайло. Гдѣ маманька?.. Навѣрное она сидитъ у кумы и пьетъ чай съ пирогами или ѣстъ дудки, которые вчера ему такъ понравились: возьметъ въ губы, потянетъ, они юркъ въ ротъ... Чудные эти дудки-макароны, а вкусные.

— Понимаешь?—между тѣмъ говорилъ хозяинъ, отпивая съ блюдца, крѣпкаго, какъ деготь, чаю:—Поймаю—прощенія тогда не проси. Опять, если какія разговоры будутъ, сообщай мнѣ. Потому что, какъ хозяину, мнѣ нужно все знать, что дѣлается въ моей мастерской. Понялъ?.. Ну, чего ты уставился, какъ пеньтюкъ какой, ни да, ни нѣтъ не говоришь. И будешь постоянно такой мокрой курицей.

Застигнутый врасплохъ, Ванятка испугался и мотнулъ головой, самъ не понимая, что онъ этимъ хочетъ сказать.

— Мотаетъ, какъ баранъ головой. Ну, и идіотъ должно быть сущій,—разсердился вдругъ, хозяинъ.—Ступай пока на кухню, поможешь тамъ хозяйкѣ. А если Дуняшка заревётъ, такъ займи ее. Слышишь?

— Слышимъ,—тихо отозвался Ванятка, и тяжело ступая грубыми сапогами, попутно задѣвая предметы, вышелъ изъ комнаты.

Вл. Зарубинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Обзоръ газетъ на 1912 г. и трудящіеся люди.

„Эхъ, знаете, сколько въ Россіи талантливыхъ людей, и какъ они страшно живутъ".
Каронинъ (въ передачѣ Горькаго).

Никто не станетъ возражать, что городскому рабочему и крестьянину нужна *своя газета*, свой *органъ печати*, который говорилъ бы о его нуждѣ, о его горѣ, о его радостяхъ и печаляхъ, который онъ бы указать, гдѣ выходъ, въ чемъ и какой, выходъ изъ тисковъ *проклятой нужды* и вѣчнаго голоднаго существованія, вѣчной угрозы, не сегодня—завтра попасть въ ряды безработныхъ.

Такая народная газета нужна и не было и не будетъ времени, когда можно было бы обойтись безъ такой газеты..

Если до сихъ поръ въ Россіи нѣтъ народной большой газеты, то это не значитъ, что среди народа нѣтъ потребности въ ней или не о чемъ писать, а это значитъ, что среди рабочихъ много неграмотныхъ, темныхъ и невѣже-

ственныхъ, что они не прониклись еще *сознаніемъ*, видѣть силу и значеніе печати для народной пользы, видѣть въ печати могущественнѣйшее орудіе борьбы за истину и справедливость и орудіе улучшенія своей жизни...

И еще это значитъ, что среди самихъ рабочихъ и крестьянъ появилось пока очень мало людей, умѣющихъ письменно изложить свои мысли о нуждѣ и своемъ горѣ...

А кто можетъ такъ сильно, такъ ярко, съ такой искренней страстностью и талантливостью описать муки рабочаго и крестьянина, кто можетъ, какъ не сами они...

Кто, какъ не они—могутъ заставить ужаснуться (даже черствое сердце) картиной нужды, темноты, невѣжества, пьянства и другихъ пороковъ...

Сколько уже было дорогихъ жертвъ, сколько погибло безкорыстныхъ *общественныхъ работниковъ*, сколько ихъ умирало съ тяжелымъ вздохомъ, съ скорбью въ глазахъ и съ мольбою къ рабочему люду:—Добрые люди, оглянитесь!.. Васъ *давитъ тьма*, вы потому живете такъ ужасно, что стали уже звѣрями другъ другу и готовы при первой вспышкѣ вцѣпиться въ горло такого же голоднаго бѣдняка...

Но мало кто слышалъ предсмертный хрипъ, мало кто слышалъ слова этихъ народныхъ мучениковъ и... рабочій людъ продолжаетъ „*пить и гулять на послѣдніе*" и, гуляя, они не вдумываются въ то, что за нихъ некому вступиться...

Да кто же за нихъ вступится, если *они не хотятъ заступиться сами за себя*...

А та *большая печать*, большія газеты, какъ „Рѣчь", „Современное Слово", „Биржевыя Вѣдомости", „Голосъ Жизни", „Утро Россіи", „Раннее Утро", „Русское Слово", „Русскія Вѣдомости", „Голосъ Москвы" и другія, въ томъ числѣ и всѣ копѣечныя—являются или побочнымъ денежнымъ подспорьемъ, или выгодой для кучки партійныхъ генераловъ, или поддерживаются ежегодной субсидіей правительства, а то и прямо „темными деньгами", или коммерческими предпріятіями ради наживы, дѣломъ капитала, „пущеннаго въ оборотъ"...

А капиталъ—это такой господинъ, что готовъ торговать даже „живымъ товаромъ".

Капиталу нѣтъ дѣла до нравственности и стремленія служить чему нибудь идейному... Капиталъ стремится только получить наибольшій процентъ и оправдать поговорку: деньги не пахнутъ (ни потомъ, ни кровью)...

Вотъ почему „большія газеты" не желаютъ писать о горѣ и нуждѣ обездоленныхъ, а стараются угодить и сытой, черствой публикѣ и звѣрскимъ инстинктамъ толпы...

Эти газеты ни въ чемъ не проявили личнаго примѣра, ни въ чемъ не дали указанія: *какъ жить* и ни разу не поступили такъ, какъ онѣ проповѣдуютъ, хотя каждый день *разносятъ* все и всѣхъ... Этотъ *разносъ* сталъ ремесломъ и носитъ названіе *либерализма*... Точно лбомъ уперлись въ „реформы" и ни разу не захотѣли подумать и дѣйствовать, какъ подобаетъ рѣшительнымъ и честнымъ людямъ, иначе...

Иначе дѣйствовать... Это значитъ—ставить себя на дорогу риска и подвергать свою особу всѣмъ житейскимъ ужасамъ, въ которыхъ живетъ по меньшей мѣрѣ 130 милліоновъ населенія...

А писать, т. е. только тявкать изъ-подъ газетной подворотни: ухъ! какъ храбры эти писаки! Такъ храбры, какъ... собаченка въ баснѣ „Слонъ и моська".

И въ пылу своего „храбраго" тявканья наши журнальныя моськи совсѣмъ не замѣчаютъ, что со-дня-на-день хрипнутъ сильнѣе и сильнѣе..

Такъ, „Современное Слово" (подголосокъ „Рѣчи"), № 1441, издѣвается надъ газетой „Утро Россіи", называя главарей этой газеты *перебѣжчиками*, какъ французскій „Сіес", и разоблачаетъ, что

— „Утро Россіи" не органъ крупной объединенной буржуазіи, а любительскій органъ группы модернистской буржуазіи или еще того печальнѣе: собственный газетный выѣздъ г. Рябушинскаго.

Какую „общественную" дѣятельность можетъ защищать „собственный газетный выѣздъ Рябушинскаго (вотъ ужъ какія обязанности стала выполнять печать!)—вполнѣ понятно: ндраву моему не препятствуй и... уйди съ дороги, а то... раздавлю..

Теперь загляните, что пишутъ о „кадетской, партійной, либеральной газетѣ, плачущей самыми наглыми, лицемѣрными слезами о „*народной свободѣ*".

Въ наступившей предвыборной горячкѣ начинаютъ принимать участіе и *толстые ежемѣсячники*. Такъ, ежемѣсячный журналъ „Современникъ" началъ еженедѣльно выпускать газету и въ № 5 помѣщаетъ издѣвательскіе стихи по адресу „Рѣчи". Но о „партійной" „Рѣчи" пишутъ такія вещи: „на судѣ представитель синдиката „Продуголь" инженеръ Ярмонкинъ, выступавшій свидѣтелемъ по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ хозяйственномъ отдѣлѣ путейскаго министерства, заявилъ, что *имъ было передано* черезъ одного изъ обвиняемыхъ 45,000 рублей *на подкупъ* „Рѣчи", „Современнаго Слова" съ цѣлью прекращенія этими газетами травли синдиката"...

Что же можно сказать о другихъ газетахъ и какую можно рекомендовать безъ опаски для чтенія народныхъ массъ?!...

Чѣмъ ближе подходишь къ какой нибудь изъ нихъ, тѣмъ дѣлается страшнѣй и... съ горечью приходится засвидѣтельствовать, что *въ Россіи сейчасъ нѣтъ ни одной чис ой газеты*, обслуживающей трудящійся народъ и защищающей безкорыстно народные интересы..,

Понимаете!.. Понимаете весь ужасъ русской мысли!..

Въ Россіи нѣтъ газетъ!..

Да откуда же и быть

чистой газетѣ,

когда между „писателями" и „журналистами" современной печати чуть-ли не каждый день разыгрывается скандалъ за скандаломъ на почвѣ пьянства, „райскихъ ночей" и прочей мерзости, которая доказываетъ, что въ литературѣ и журналистикѣ, нахально развалясь, усѣлся

Хамъ.

Это журнальный хамъ, кормящійся отъ крохъ, падающихъ со стола „промышленныхъ дѣльцовъ", совершенно не понимающій, что такое творчество, способный-то только лаять на все, на что укажутъ имъ ихъ „хозяева"...

И когда уже слишкомъ большой скандалъ нельзя затушить, замолчать (какъ въ случаѣ, когда пьяный Купринъ поколотилъ пьянаго же Андреева и другихъ на ужинѣ у актера Ходотова), нельзя спрятать, то эти моськи начинаютъ такъ подвывать, что уши затыкай..

Вонъ, эти... гг. отъ журналистики, поджимая хвосты, пишутъ:

„Писатели—это особъ статья, а литература ихъ—особо. (ой, бѣдный Бѣлинскій!). Наслаждайтесь *ихъ* произведеніями, но не касайтесь личности писателя..." Резонно ставятъ на видъ, что слѣдуетъ твердо помнить разницу между проступками общественными и частными (не потому-ли, что подлецъ-писатель въ частномъ не будетъ подлецомъ въ *общественномъ*? А, Вѣдь, если въ человѣкѣ сидитъ эта подлость, то она скажется *во всемъ* и берегись такого писателя!"... „Публика не можетъ быть посвящена въ то, въ какомъ часу дѣлаетъ Купринъ или Андреевъ (это не для того-ли, чтобы дурачить публику, что они, „писатели", все свободное время проводятъ во „вдохновеньи, въ звукахъ сладкихъ и молитвахъ", по Пушкину").

Зачѣмъ мы должны приходить въ отчаяніе, если писатель, произведенія котораго намъ нравятся, учинилъ скандалъ (или по профессіи воръ, убійца—проворовался? М. В.). Его вещи отъ этого хуже не станутъ?"

Такъ „успокаиваютъ" (такимъ способомъ не долго *успокоить* и на тотъ свѣтъ!) „литераторы" изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей", „Русскаго Слова", „Утра Россіи", „Ранняго Утра", „Бюллетени Литературы и Жизни", „Одесскаго Листка", „Одесскихъ Новостей" и другіе *Титы* журналистики.

А другіе гг., которыхъ перечисляютъ „Бюллетени Литературы и Жизни", № 6, 11 г., высказываютъ еще и такое изувѣрское *мнѣніе* (воображая, что оно въ наивысшей степени умно!), что типъ журналиста-шарлатана, прохвоста, завѣдомаго уголовнаго преступника до тѣхъ поръ будетъ существовать, пока *существуетъ требованіе публики.* Перестанетъ публика требовать—и такой типъ журналиста-преступника отъ литературы пропадетъ самъ собой... Ужъ чего тамъ вилять!? Почему же сразу не сказать извѣстное у „марксистовъ": есть потребитель—есть и поставщикъ. Если „мудрость" гг. Дрилиховъ изъ „Одесскаго Листка"—сама жизнь, то почему бы гг. Райлянамъ, Снѣсаревымъ, Редерамъ и Дрилихамъ прямо-таки... не приглашать „литераторовъ" своего взгляда открыть

Домъ терпимости на паяхъ!?

Вѣдь, это и оригинально и ново, и... вполнѣ подходитъ подъ „этику" кошкодавовъ, литераторовъ-участниковъ „райскихъ ночей" и т. п.

Можно съ помпой выставить вывѣску:

„*Литературный домъ терпимости*" *).

Эхъ, гг.! не вамъ бы писать и не намъ бы читать... Вспомните свои поступки. И ясно станетъ, что такіе журналисты иначе писать не умѣютъ. Что-жъ подѣлаешь, психологическій законъ: преступникъ склоненъ думать о преступленіи...

Бѣдные русскіе писатели въ лицѣ *неистовыхъ* Виссаріоновъ Бѣлинскихъ, Добролюбовыхъ, Писаревыхъ, Герценовъ, Бакуниныхъ, Кропоткиныхъ и друг.!!..

Бѣдные люди, поборники правды, несшіе эту правду сквозь ужасы николаевскихъ временъ, сквозь угрозы эшафота, плетей, висѣлицы, кандальныхъ цѣпей, каторги и черезъ порогъ „*мертваго дома*". Бѣдные!.. Бѣдные!..

То было тогда, а теперь... времена таковы, что журналисту ничего нельзя поставить въ упрекъ... Теперь журналистъ бѣлъ, чистъ и невиненъ, какъ херувимъ... и спрятанъ отъ прикосновенія въ... *вату*... Во всемъ виноватъ читатель-потребитель-публика... Журналистъ—поставляетъ, а публика—потребляетъ, публика требуетъ.

Вы потеряли стыдъ, обернитесь, господа!..

Вы забыли, что *публика потребляетъ* и... *непотребное*... Публилика требуетъ и... *проституцію*, и *домовъ терпимости*, и пьянство, и... всего, что ведетъ къ забвенію отъ обязанностей человѣка здѣсь, на земномъ шарѣ, что ведетъ къ умственному сну и отсюда къ... сну „вѣчному" физическому, къ смерти...

Если въ этомъ назначеніе человѣчества (прожигать жизнь) и таково ваше міровоззрѣніе, то не кривите подло душой и зовите прямо ко.. всѣмъ видамь преступленія...

Высказываются и ужъ очень распинаются.. эти господа за тайну... личности „писателя"...

И эта заботливость походитъ у нихъ на животное, которое трусливо поджимаетъ хвостъ, и дрожащія руки силятся натянуть на свое лицо... простыню, въ надеждѣ, что, все-таки, и подъ простыней будутъ кое-какіе потемки...

Почему бы сразу не закричать: —Да здравствуетъ тьма! И тьма необходима и полезна, хотя бы для прикрытія мерзостей „литераторовъ!"...

Они поджимаютъ хвосты... И знаете, почему?!..

Изъ страха, что не сегодня—завтра и ихъ *освѣтятъ* всесторонне и укажутъ обществу, что за нравственное убожество скрывается въ ихъ лицѣ...

Они поджимаютъ хвосты... Они вопятъ:—Читайте насъ, *наслаждайтесь*—это для васъ, читатель, а мы, „писатели", будемъ творить мерзость, плодить преступленія и пороки, ибо въ эту сторону наше искреннее тяготѣніе, въ порывахъ мы видимъ *на мѣстѣ* свое *я*—это для насъ, это наше и этого вы, читатели, не смѣете касаться! А литература—это побочное пособіе и денежный источникъ для возможности творить пороки...

Они поджимаютъ хвосты... И какъ не поджимать, когда при освѣщеніи ихъ „личныхъ поступковъ" и ихъ дѣятельности... общество читателей раскроетъ глаза и завопитъ благимъ матомъ: — Караулъ!! Карррр-а-а-уууу-лъ!!! Люди добрые!.. Смотрите!.. Да, вѣдь, это бѣглые уголовные каторжники забрались въ литературу!.

Отъ воплей терпѣливаго читателя, пожалуй, случится скандалъ. Каторжники пера, если и не получатъ тюремныхъ браслетъ на руки, то, во всякомъ случаѣ, лишатся денежнаго источника для сѣянія въ жизни своихъ преступленій...

А отсюда... наступитъ и ихъ журнальная смерть...

Они поджимаютъ хвосты... ибо тайное становится явнымъ. Становится извѣстнымъ: какъ и чѣмъ живетъ „наша печать".

Они поджимаютъ хвосты... ибо почуяли, что...

Гроза собирается...

Громъ грянетъ... Кому-то придется креститься?!..

Они поджимываютъ хвосты... Они всхлипываютъ безчестными слезами объ упадкѣ чести въ рядахъ разбойниковъ пера. А сами... „кто? „А судьи? кто?"—спрашивалъ еще Грибоѣдовъ... Тотъ же Дрилихъ и тотъ же Александровскій (ихъ выставили „Бюллетени Литературы и Жизни", № 6, 11 г.), оба изъ „Одесскаго Листка", сами-то держатся чѣмъ?.. Неужели „талантомъ"? и очень малымъ и... мылымъ „талантомъ": „цѣлованіемъ ручки" у своей редактора-издательницы. Цѣлуютъ ручку у той, за спиной которой летятъ выраженія: „Ахъ, старая...",—дальше и перо не выдержитъ...

И эти господа высказываютъ соболѣзнованіе, говорятъ о „*этикѣ*" другихъ, помалкивая трусливо о своей совѣсти. Помалкивая о такихъ фактахъ, когда въ ихъ рядахъ извѣстенъ уже не молодой и не начинающій литераторъ, печатавшійся въ столицахъ, печатавшійся въ „Кіевской Мысли" и на ихъ глазахъ доживаетъ послѣдніе дни, ходя по городскимъ улицамъ истощеннымъ отъ голода и готовымъ не сегодня—завтра унести съ собою въ могилу *товарищеское отношеніе* того же г. Александровскаго и Дрилиха... Вы знаете—я говорю о беллетристѣ Л... Я говорю о членѣ „Одесскаго общества литераторовъ и ученыхъ", умирающаго голодною смертью... да еще при трагическихъ условіяхъ семьи...

Эти господа посылаютъ читателя „наслаждаться" произведеніями „литераторовъ", какъ-будто читатель только потому и существуетъ на свѣтѣ, что имѣется ихъ „литература".

Будто *не пресса для читателя, а читатель для прессы*, будто не черезъ прессу, журналъ, книгу мы хотимъ (въ силу изувѣрскихъ условій, отрѣзавшихъ другіе

---

*) Хотя и это не ново. Что то въ этомъ родѣ уже промелькнуло въ печати. А имена *видныхъ* польскихъ журналистовъ и сейчасъ фигурируютъ наряду съ именами лавочниковъ и „купцовъ" въ „справочныхъ конторахъ о кредитоспособности (своего рода сыскное)".

пути) найти *идеалъ человѣка* и создать нужныя общественныя условія, а наоборотъ—пресса создается для кого-то, только имъ однимъ извѣстнаго особаго наслажденія, говорю *особаго*, потому что господа „писатели" тяготѣютъ къ другого рода наслажденіямъ: *кошкодавству, Аѳинскимъ вечерамъ, пьянству, мордобою* и.. *отправленіемъ людей на каторгу* (какъ сдѣлалъ Леонидъ Андреевъ)...

Эти журнальные кретины не въ состояніи понять, что литература потому заняла на Руси такое почетное положеніе (ставшее теперь даже предпріятіемъ на „проценты"), потому что *другихъ путей не было*...

Да, Богъ съ ней, съ литературой (здѣсь я говорю въ смыслѣ—мертваго инвентаря), если мы можемъ прямо, непосредственно обращаться къ людямъ, къ человѣку, ко всему обществу. Литература не цѣль, а средство... Средство не для кошкодавства и изнасилованія дѣтей, не „райскихъ ночей", не для наживы прохвостовъ, не для ограбленія читателя, а для идеаловъ, о которыхъ „наши литераторы" только слышали (какъ гдѣ-то звонъ), слышали, но не въ состояніи *понять* тѣ цѣнности, которыя вносились въ русскую литературу и проводились въ жизнь путемъ страданій и мукъ незабвенныхъ нашихъ *титановъ мысли*. „Нашимъ литераторамъ" этого не понять... Не *понять* своихъ обязанностей такъ, какъ понимали *они*. Не понять, не почувствовать всѣми фибрами души, почувствовать такъ, чтобы на всю свою жизнь уже не только не давить кошекъ, развратничать и танцевать нагишемъ среди голыхъ, голодныхъ, нанятыхъ, несчастныхъ женщинъ, но не находить себѣ покоя и... отъ пережитаго въ своемъ сердцѣ переходить къ поступку, къ личному, непосредственному участію въ творчествѣ новыхъ путей, созданію новыхъ условій русской жизни для широкой дороги

Къ свѣту и правдѣ.

И, несмотря на полное разложеніе печати нашихъ дней и ея вредоносныя свойства,—все же изъ рядовъ народа выйдутъ безкорыстные борцы и мученики за истину, за право существовать творческой, свободной, неподкупной мысли...

Михаилъ Волковъ.

Горе сдѣльныхъ наборщиковъ.

Съ введеніемъ наборныхъ машинъ заработокъ сдѣльныхъ наборщиковъ, и безъ того скудный, начинаетъ падать. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что на наборныя машины отдаются самыя лучшія дѣла, и если принять во вниманіе и то, что „шпековыя" дѣла выполняются „компаніями", то каждому станетъ понятно, что сдѣльному наборщику остается медицина, алгебра и т. п. наборы въ три-четыре шрифта съ платой въ 20—22 коп.

И если прежде наборщикъ, кончивъ оригиналъ медицины, подходилъ къ метранпажу съ надеждой получить оригиналъ романа, теперь за медициной въ четыре шрифта получаетъ филологію въ шесть шрифтовъ, и, само собой, всякій, знающій условія сдѣльныхъ работъ въ нашихъ крупныхъ типографіяхъ, гдѣ кассы вводныхъ шрифтовъ стоятъ по реаламъ и выставить ихъ нельзя, набирать изъ нихъ приходится, часто мѣшая другимъ, и одна касса, напримѣръ, курсива имѣется на 100 человѣкъ, и что за наборомъ строчки чужого шрифта приходится идти чуть-ли не за версту, а другой разъ и на другой этажъ, пойметъ, сколько нужно испортить крови, потратить труда и энергіи для того, чтобы заработать на хлѣбъ насущный. Но, вѣдь, ручной наборщикъ не машина, и хозяину мало дѣла до того, сколько пота и крови стоитъ каждая заработанная рабочимъ копѣйка, сколько энергіи потрачено за нее. Вѣдь, потъ и кровь это не бензинъ, а энергія—за нее тоже не приходится платить электрическому о-ву. Не то машина: поставь-ка ее на филологію или на медицину, такъ она и бензинъ-то не оправдаетъ, а за электрическую энергію придется доплачивать собственнымъ карманомъ.

Это предприниматель хорошо понимаетъ, и потому сдѣльные наборщики лишились и романовъ, кромѣ развѣ исключительныхъ случаевъ, когда рукопись романа до того скверно написана, что прежде, чѣмъ набирать ее, задумываешься, не написана-ли она „клинообразными письменами". Кромѣ всего этого, даютъ наборъ на какихъ-то эфіопскихъ языкахъ по цѣнѣ 22—23 к., а нежелающихъ работать просятъ подать счетъ.

И, конечно, противъ создавшагося положенія слышится глухой протестъ, но всякому, протестующему открыто, показываютъ на дверь. И въ одиночку, конечно, ничего сдѣлать нельзя. Только съ открытіемъ вновь типографскаго союза, при единеніи всѣхъ, такъ необходимомъ въ это время, отношенія между предпринимателями-типографами и рабочими опять примутъ нормальный характеръ.

Наборщикъ.

Воскресенье 4-го марта. Цѣна отдѣльнаго номера 5 к.

НАРОДНАЯ СЕМЬЯ

№ 5.

Двухнедѣльный иллюстрированный-литературный народный журналъ.

Рукописи по усмотрѣнію редакціи подлежатъ сокращенію и исправленію. Рукописи менѣе печатнаго листа не возвращаются; болѣе — возвращаются, если на пересылку будутъ присланы марки. Желательны рукописи писателей изъ-народа.

Подписная цѣна съ доставкой:
На годъ . . . . 1 р. 50 к.
На полгода . . . . — р. 85 к.

Объявленія:
За строку петита впереди текста 50 к.
" " " позади " 30 к.

КОНТОРА
для подписки и объявленій открыта ежедневно съ 10 ч утра до 8 час. веч.

Редакція открыта по средамъ и субботамъ днемъ отъ 12 до 1 часа, вечеромъ отъ 7 до 9 часовъ.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Москва, Тверская, Георгіевскій пер., д. № 14, кв. 8. Телефонъ 175-55.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвореніе *Ганьшина.* — Углекопы. *Ив. Слесарева.* — Два міра. *Афанасьева.* — Стихотвореніе *Лысенко.* — Сыроварня дѣйствуетъ. *Н. Огурцова.* — Стихотв. *Колыбельная пѣсня.* — Святое искусство. *М. Буянова.* — Стихотв. *Журавлева.* — Отдали въ ученье. *Вл. Зарубина.* — Замѣтки читателя. — Хроника. — Объявленія — **РИСУНКИ:** *Прощай, буренушка.* — *„Кормилецъ“.*

Памяти П. Ф. Якубовича.

Пока въ груди не гаснетъ искра
И вѣра въ свѣтлое живетъ,
Мы будемъ смѣло, безъ боязни
Идти впередъ.

* * *

Пока струится кровь по жиламъ
И счастье призрачно, какъ тѣнь,
Мы будемъ звать, кто рвется къ свѣту.
Изъ деревень.

* * *

Пока по тюрьмамъ стонутъ братья
И торжествуетъ рабства гнетъ,
Мы будемъ пѣть и пѣсней новой
Будить народъ!

Сергѣй Ганьшинъ.

Прощай, буренушка!